

Жағобназ
книга

18+

Орда

Макс Фрай
Жалобная книга
Серия «Мир Ехо и
приключения Макса»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=121154

Жалобная книга: Амфора; Москва; 2016

ISBN 978-5-17-098088-8

Аннотация

В трудную минуту, когда кажется, что жизнь не удалась, будьте бдительны, не проклиняйте судьбу – ни вслух, ни даже про себя. Мужчина за соседним столиком в кафе, девушка, улыбнувшаяся вам в метро, приветливая старушка во дворе могут оказаться одними из тех, кто с радостью проживет вашу жизнь вместо вас. Вы даже и не заметите, как это случится. Они называют себя «накхи». Они всегда рядом с нами. Мужество и готовность принять свою судьбу, какой бы она ни была, – наша единственная защита от них, но она действует безотказно.

Содержание

Стоянка I[1]	5
Стоянка II	27
Стоянка III	47
Стоянка IV	67
Стоянка V	95
Стоянка VI	120
Стоянка VII	138
Конец ознакомительного фрагмента.	144

Макс Фрай

Жалобная книга

© Макс Фрай, текст

© ООО «Издательство АСТ», 2016

Стоянка I¹

Знак – Овен.

Градусы – 0° – 12°51' 25"

Названия европейские – Альнах, Альнат.

Названия арабские – аш-Шаратан – «Две отметины».

Восходящие звезды – бета и гамма Овна.

Магические действия – заговоры на любовь и ненависть.

«Сука, – думаю я. – Тупая сука. Тупая. Сука. Тупая сука.

Тупаясука, сукатупая. Сукатупаясука. Тупаясукатупаясука-тупая».

¹ Здесь и далее в качестве названий глав использованы сведения о стоянках Луны. Лунные стоянки – это 28 звезд и звездных групп – участков эклиптики, примерно по 12,86°. Разделяют движение Луны по кругу на 28 частей; при этом каждая соответствует среднему ежедневному движению Луны, начиная от 0° Овна. Фрагменты интерпретации этого деления восходят к астрономии и астрологии арабской, индийской и китайской. Хотя в целом учение ныне утеряно. Возможно, все эти системы восходят к «созвездиям на пути Луны» из вавилонской астрономии. По учению халдеев, влияние Луны следует рассматривать по положению в стоянках. Со времен Средневековья система стоянок широко использовалась в Европе для нужд магии и магической астрологии. Все сведения о лунных стоянках, включая текущий комментарий, взяты автором из Астрологического словаря (автор-составитель С.Ю. Головин, – Минск, Харвест, 1998 г.). Автор вовсе не утверждает, будто описанные события полностью согласуются с описанными в заглавиях перемещениями луны; внимательный читатель быстро поймет, что внутренний лунный календарь персонажей то отстает от реального, то, напротив, его обгоняет. Автору кажется, что это не имеет решительно никакого значения.

Мысли перекатываются, как стеклянные шарики в пригоршне. Гладкие, холодные, твердые. Постукивают, соприкасаясь. Это приятно. Следовательно, вот мне и облегчение. А постороннему человеку никакого ущерба.

Вслух я, понятно, называть ее тупой сукой не стану. Не за то она мне деньги платит. А за ясный взгляд, покровительственный тон, мистический флер и прочие задушевные прибамбасы.

Вот и договорились.

Улыбаюсь тупой суке. Сочувственно. Сердечно. Но и снисходительно: дескать, и не такое видывали, и не с такими бедами справлялись. Все будет путем. Все как у людей, только чуть-чуть лучше. Гарантирую.

Она мне верит. Ей со мною хорошо. Того гляди, на грудь обрушит тяжесть телесную. Впрочем, до такого пока ни разу не доходило. Ко мне все больше ходят воспитанные люди. Дрессированные, безопасные зверушки. Не хищные даже, просто всеядные. Другдругоядные в том числе, кстати... Да уж, кстати-кстати, кис-кис, тати.

Брысь.

Ничего из ряда вон выходящего не происходит. Не консультация – лафа, послеобеденный отдых. Сорокалетняя ложная блондинка Лена уже давно перестала меня слушать. Даже вопросы задавать перестала. Поняла, что никакие вопросы не воссоединят ее горемычный сигнификатор с возжеленным Королем Жезлов. Разве только приворотное зе-

лье, но от меня ничего в таком роде не дождешься. Духовных академиев по курсу православной космоэнергетики чай не кончали. Не начинали даже, бог миловал.²

Зато со мною можно поговорить по душам, чем она и занимается. Рассказывает, разглагольствует, жалуется, возмущается. Издает разнообразные членораздельные звуки моя прекрасная Лена. Разделяет, стало быть, члены. Вот и умничка.

Мне остается только слушать. Ей бы два высших образования вместо одного полусреднего, сидела бы теперь не у меня, а у психотерапевта – с тем же примерно эффектом. Оно ведь так устроено: человек всегда получает то, чего хочет. А хотят человеческие существа, как ни удивительно, вовсе не счастья, не канонического покоя-воли даже, а возможности как следует пожаловаться. Исключения из этого правила, несомненно, существуют, но обходят меня (и коллег моих, психотерапевтов) стороной, как чумной барак.

И, вероятно, правильно делают.

Мне часто попадают совершенно несносные дурищи, но Лена, надо отдать ей должное, – это просто чудо какое-то. Таких я давно не видела. Таких, как правило, еще в юности обувают уличные цыганки-мошенницы, и навсегда отбивают интерес к мантическим практикам. Естественный, так сказать, отбор.

² При гадании сигнификатором называется карта, которая обозначает вопрошающего.

Однако Лена как-то справилась с негативным опытом от- рочества и добралась до меня. И поскольку за час моей жизни *уплочено* вперед, придется потерпеть.

Терпеть осталось тридцать минут – всего-то. И говорить не о чем, если бы не зуб. Внизу справа болит глупая, бессмысленная костяная фиговина. Под коронкой, как я понимаю. Следовательно, дело дрянь. Кирдык, следовательно. Алмазный мой пиздец. Что и требовалось доказать.

Терпи, казак, атаманом будешь. Или не будешь – как повезет. Но ты все равно терпи. Не принимать же обезболивающее в присутствии клиентки! Не в моих правилах проявлять слабость. Скривиться, руку к пульсирующей челюсти прижать или, тем паче, охнуть, пожаловаться – низ-з-з-з-зя. Нехорошо это, не по-божески. Десакрализация называется. Гадалке, у которой могут быть проблемы, пусть даже и переходящие, пустяковые вроде большого зуба, веры нет.

А их вера в меня – это мой хлебушек.

Хлеба я, к слову сказать, не ем. Разве только черный ржаной клейстер да сухие, безвкусные лепешки из рисовых, гречневых и еще не пойми каких зерен – вот тебе и хлебушек.

И ни слова о масле.

Ничего не попишешь: наследственность у меня не ах. Матушка к шестидесяти годам достигла воистину необъятных размеров. Да и папа, мягко говоря, не кузнецик. А мне излишки плоти ни к чему. Рука моя должна быть тонкой и ког-

тистой, как птичья лапка, щеки впалыми, как у сексапильной туберкулезницы, а прочая тушка пусть стремится к нулю. Стоит щекам округлиться, и лицо мое станет ничем не примечательной добродушной рожицей, способной внушить разве что мимолетную симпатию, но уж никак не трепет. Увы, крючковатого ведьминского носа природа мне не подарила, а без этого артефакта фальшивые смоляные кудри, подлинные насупленные брови и даже в совершенстве освоенный зловещий, ухающий, совиный смешок – пустяки, дело житейское, как говаривал роковой мужчина моего детства, лучший в мире Карлсон.

Вот так вот.

Мне тем временем излагают очередную главу бесконечной саги о нелегкой судьбе белокурой Лены. Слушаю ее жалобный щебет вполуха – все как всегда плюс зуб, следовательно, минус милосердие. Но ничего, держусь. Вставляю порой полтора слова, благо больше от меня и не требуется. Даже скалюсь время от времени – фальшиво, но лучше чем ничего. Лена, пожалуй, не заметит разницы, а с собственной совестью на сей раз договорюсь: форс-мажор, как-никак.

Ох уж этот мне форс-мажор.

Зубная боль не убивает меня, но и сильнее не делает. Что скажете, гражданин Ницше? Не отворачивайтесь, отвечайте, когда вас спрашивают. Нет ответа? Что ж, очко ваше достается команде соперников, и не жалуйтесь потом на суровые наши обычаи...

Тридцать минут моей муки и рады бы замереть дрожащим студнем, стать вечностью, но не умеют пока. Иссакли, наконец. Гитлер капут. Ура.

– Спасибо, – щебечет Лена, кутаясь в шкуры нерожденных бараньих младенцев. – Вот, поговорила с вами, так даже зуб болеть перестал. Как сюда шла, разнылся, а пока сидела, перестал.

Вот так-так. Подружка по несчастью, значит.

– У вас зуб болел? – переспрашиваю участливо. – Нужно было мне сказать, попросить таблетку. Что же вы?

– Ну... Неловко было, – мнется. – Но он сразу прошел, зуб-то. Не болит больше, я ж говорю...

Неловко, значит. Лекарство попросить. Ну-ну. Обе мы хороши, конечно...

Она наконец уходит, а я пулей несусь к секретеру. Там, в потайном ящичке, хранятся не зловещие сатанинские талисманы, как, наверное, думают некоторые несознательные граждане и гражданочки. А вовсе даже цитрамон. Коего сожру сейчас три таблетки, дабы проняло. Вот такая черная магия, чернее не бывает.

Разрываю бумажную упаковку. Распахнув пасть навстречу спасению, вспоминаю, что нужна еще и вода: если уж вознамерилась столько дряни сразу заглотить, лучше бы ее запить. Оглядываюсь в поисках бутылки нарзана: с утра ведь была, а теперь спряталась. Выходи, партизан, все равно ведь найду и уничтожу!..

И тут я понимаю, что вода мне больше не нужна. И цитрамон не нужен. Зуб мой одумался, присмирел. То есть не утих, не затаился, не убавил громкость, а просто перестал болеть, так, словно бы не он испохабил мне давешнюю консультацию.

Зуб на мое ворчание реагирует с видом оскорбленной невинности. Мог бы – непременно стал бы сейчас много-словно доказывать, что не было ничего. Мне, дескать, померещилось.

Ладно уж. Если даст слово вести себя прилично, сделаем вид, будто и правда померещилось. Не было никакой зубной боли. Моя коронка – лучшая в мире, они с зубом – идеальная пара, их союз нерушим. Они еще всем покажут, всех переживут, в том числе и меня. Меня, собственно, в первую очередь.

Да я и не против. Обратный вариант пугает меня куда больше.

И, если уж все так удачно сложилось с зубом, а желающих испытать судьбу на горизонте вроде бы не видно, можно потребовать у Маринки положенный мне кофе. С нее, согласно нашему договору, причитается три чашки в день. Сегодня я выпила только одну, а значит, смысл бытия пока для меня не утрачен.

Выхожу в зал, на ходу нащупывая в кармане ключ от своей каморки. Ключ на месте, следовательно, дверь можно захлопнуть. Чтобы ни одна Алиса не пробралась в мою «стра-

ну чудес». Мне в общем по барабану, а вот ребенка жалко: разочаруется. Ни тебе летучих мышей по углам, ни скелета в шкафу, ни змей гремучих, даже корня мандрагоры завалящего, и того у меня нет. Только несколько карточных колод, древний, как проституция, ноутбук, да потертая, трижды недоеденная молью дубленка из меха черных баранов, самая демоническая вещь в моем скромном хозяйстве. И самая тяжелая.

Пять часов пополудни, но в кафе почти пусто. Такой уж удивительный день понедельник. Вечер понедельника – благословенное время, когда пусто даже в московских кофейнях. Словно бы начало рабочей недели убивает в людях способность передвигаться, и они лежат в своих офисах, переживают понедельничный паралич, молчаливые, неприкаянные, лишь зубами клацают жалобно, предвкушая маленькие радости грядущего вторника.

Зато Марина мне рада. Скучно ей, а тут все же развлечение. Подбираю долгополую «форменную» юбку, взбираюсь на табурет у стойки.

- Маринушка, – говорю, – спасай меня немедленно.
- Да как же тебя спасти, душа пропащая? – смеется.
- Сама знаешь. Как всегда.

Кивает, гремит посудой. Три минуты спустя я получаю чашку эспresso, кусок тростникового сахара, салфетку и пепельницу. Марина, пригорюнившись, разглядывает мою скорбную рожу.

– Неприятная была дамочка? – спрашивает.

– Да нет, ничего. Зуб у меня разболелся, – жалуюсь. – В самом начале, представляешь?

Она молча сует мне под нос початую пачку пенталгина. Мотаю головой:

– Спасибо, уже не нужно. Ты прекрасная, Маринушка. Все прошло.

– Ну, слава богу... – вздыхает. – Это что ж ты ей нагадала, с больным-то зубом? Конец света? Пожар? Потоп? Новый дефолт?

– Обойдешься. Просто муж к ней не вернется. Но это и без карт было понятно, к таким не возвращаются... И потом она просто поговорить хотела. Как начала рассказывать, не остановишь. Ей, наверное, больше не с кем поболтать.

– Всем не с кем, – кивает Марина. – Ну, почти всем. Мне вот с тобой повезло.

И то верно.

Мне, впрочем, тоже с нею повезло. Еще как.

Марина хорошая. Ей, насколько мне известно, сильно за пятьдесят, она не закрашивает седину, не следит за фигурой и не терзает лицо кремами от морщин, но называть ее по имени-отчеству кажется мне нелепостью: Марина и Марина. Или еще лучше Маринушка.

Это кафе открыл специально для Марины ее сын: решил осуществить мамину заветную, несбыточную, как казалось ей до недавних пор, мечту. Молодец мальчик, ничего не ска-

жешь.

Я видела его только один раз, мельком. Маленький смуглый мужчина с лицом индейского вождя. Вождь назывался незатейливо: Алексей Иванович (строго говоря, Хуанович, но с русским языком лучше так не шутить). Отец его, по словам Марины, был студентом не то из Чили, не то из Перу. У них даже романа толком не вышло – так, минутная слабость, клуб одиноких гениталий, вспомнить толком нечего. Ребенка она, однако, оставила. Не сдуру, не во имя моральных принципов и, тем паче, не по расчету. Просто была в те годы помешана на культуре южноамериканских индейцев, вот и родила себе маленького Тупака Юпанки – можно сказать, в коллекцию. А потом понемногу и любить научилась. Так, говорят, часто бывает.

О занятиях полуправнука инков Марина сама толком ничего не знает, зато подозрений ее хватило бы на дюжину детективных романов. Мы, собственно, и познакомились-то, когда она решила раз и навсегда успокоить материнское сердце при содействии карточной колоды – если уж иначе не выходит. Моя тогдашняя квартирная хозяйка оказалась Маринкиной дачной соседкой; она-то и отправила ко мне скорбящую мать, по знакомству. Мне в ту пору в голову не приходило гаданием зарабатывать. Хобби себе и хобби. Подружкам, если попросят, могу карты разложить, и довольно. Но с квартирными хозяйками надо дружить, поэтому пришлось согласиться на визит незнакомой дамы.

Незнакомая дама очаровала меня с первого взгляда; я ее, кажется, тоже. Гадание у нас, правда, вышло вполне заурядное: без грубых ошибок, но и без особых озарений. Весь вечер на стол ложились лишь мечи да пентакли, из чего мы с Мариной сделали вывод: бизнес у Лексей Хуаныча опасный, зато прибыльный. Впрочем, как раз это Марине и без меня было понятно.

Тем не менее, она сманила меня к себе в кафе. Объяснила: дескать, ей такой экзотический сервис поможет привлечь новых клиентов, да и старых, возможно, крепче привяжет к заветному месту. Ну и мне, соответственно, лафа: двадцать пять процентов, которые я отстегиваю своей нанимательнице, символические деньги, почти формальность; зато в рабочем кабинете вполне можно жить, не скармливая алчному божеству столичной недвижимости двести долларов в месяц. А с Марины, согласно договору, еще и бесплатный кофе причитается – чем не коммунистический рай для отдельно взятой меня?!

Мне, впрочем, с самого начала было ясно, что Марина ухватилась за возможность ежедневно узнавать новости о сыне – хоть от карточных рыцарей да принцесс, если уж иначе не выходит. Мне-то что, мне не жалко. Интересно даже. В конце концов, криминальный индеец Леша – уникальный экземпляр моей коллекции, единственный человек, о чьих делах я справляюсь ежедневно, на протяжении целого года. Ну, почти целого. 20 марта слово «почти» утратит актуаль-

ность. Скоро уже. Совсем скоро.

Спасибо Маринушке, это был самый беззаботный и, пожалуй, самый короткий год моей жизни. Даже не верится, что он уже пролетел. По внутренним часам месяца четыре прошло, не больше, а ведь прежде мне всякая московская зима вечностью казалась. Безвременьем, массовым добровольным сошествием в царство Хель, откуда никто не вернется живым; одна надежда – травой по весне, грибами по осени прорасти, если удастся пробить мягким темечком городской асфальт...

Залпом допив кофе, благодарно тычусь лбом в плечо своей кормилицы, соскальзываю с табурета, обретаю, наконец, твердую почву под ногами. Отправляюсь к себе. Жопя я буду, если не воспользуюсь свободной минуткой, чтобы заняться переводом. Воздастся мне в таком случае в ночь с четверга на пятницу, ибо пятница обозначена в моем ежедневнике страшным словом «deadline». Мертвая, стало быть, линия. Лежит там, в несбывшемся пока «потом», одна, холодная, бездыханная.

Плохи ее дела.

Моя задача состоит в том, чтобы опустить бедняге веки. А для этого придется как следует поработать.

Впрочем, переводить Штрауха – удовольствие. Язык нельзя сказать, чтобы прост, но и не шибко замысловат. Видно, что журналист писал: в какие бы метафизические дебри ни занесло его воображение, а излагает четко, собака. Так чет-

ко, что волосы дыбом.

«Люди полагают, – пишет Михаэль Штраух, – будто города – порождения их собственной созидательной воли, труда, воодушевления и скуки. Думают, в городах нет места хаосу и наваждениям. Уверяют себя: мы живем в тихом квартале, дети ходят в хорошую школу, торговцы на рынке приветливо с нами здороваются, у нас свой столик в пивном ресторане за углом – что, ну что может нам тут угрожать?! Горожанин беспечен, о да. Уверен: худшее, что может поджидать его на улице, – хулиганы, пушеры да нетрезвые водители. Неприятно, конечно, но, ничего не попишешь, дело житейское.

Никто не ожидает, что где-нибудь на пересечении Хохштрассе и Марктплац, между табачной лавкой и зоомагазином, перед ним разверзнется бездна.

Что ж, тем восхитительней нечаянная встреча.

Иные чудеса и правда предпочитают подстергать свою добычу в пустынях и подземельях; на худой конец – в ночном лесу или на горной тропе. Но их не так уж много осталось. Нынче тайны изголодались по свежей крови, вот и предпочитают держаться поближе к людям. А мы... Что ж, мы, как известно, строим для себя города и заполняем их своими телами, все еще пригодными для работы, сна и любви.

Для чудес мы тоже, как ни странно, вполне годимся. Сладкая, калорийная пища, сухие дрова для костра – мы нужны им, и это не всегда хорошая новость».

Вот-вот. Не всегда.

На этом месте я вчера и остановилась. Вернее, просто уснула в обнимку с ноутбуком, не разложив толком футон, — умаялась. Проснулась от писка разрядившейся батареи, едва сохранить успела сделанную работу...

Ах, Михаэль, Михаэль, любовь моя, что же ты со мной делаешь?.. Сколько халтур за плечами, а ведь впервые хочется загрести под себя весь текст.

Ага, съест-то он съест, да кто ж ему даст?.. Мои полторы сотни страниц — всего четверть общего объема. Еще двести Наташка, милый мой дружок, переводит сама, а остатки, кажется, спихнула бывшему мужу. Как началась и чем закончится диковинная история сумасшедшего директора музея, мне неизвестно. И мочи нет терпеть до выхода книги. Решено: стану клянчить файл. Наташка решит, что я свихнулась, и будет совершенно права. Она, впрочем, всегда права; даже Аркан Судьбы у нее — Юстиция. Обхохочешься.

...и это не всегда хорошая новость.

Возможно. Но все остальные новости идут в задницу.

Такие, брат, дела.

Через час пришлось выключать все на фиг, ибо Маринушка прислала ко мне очередного клиента. Дядечку. Ну, удружила...

Дядечки ко мне ходят нечасто. Считается, не мужское это дело — по гадалкам шастать. Оно и неплохо: будь моя воля, я бы вовсе дела с ними не имела. Тяжелый случай. Жаловаться на жизнь и распускать хвост одновременно — уму непости-

жимо! Они, тем не менее, как-то умудряются совмещать эти два мероприятия.

Этот, впрочем, с первого взгляда показался мне исключением из общего правила. Высокий, импозантный господин с седыми висками, в дорогом кашемировом пальто. Взор, однако, как у побитой собаки, руки дрожат – едва заметно, и все же... Крепко его, видать скрутило. Такой вряд ли станет выпендриваться.

– Марина Иннокентьевна сказала, вы на картах гадаете, – смущенно шепчет. – Я хотел только спросить... Только спросить.

– Спрашивайте.

– Вы про здоровье тоже гадаете? Или как?

– Теоретически говоря, да, – отвечаю осторожно. – Но про здоровье лучше все-таки у врача спрашивать. Я вам разве что общую картину могу обрисовать: насколько опасна болезнь, на что можно рассчитывать... Но диагноз я вам не поставлю.

Говорю, а сама чувствую, как каменеет мой желудок. Сколько себя помню, отношения наши с пузом складывались прекрасно, хоть в музей медицины меня сдавай, как обладательницу самого здорового желудка на планете. А теперь – что за дрянь такая?! словно бы каменный шар проглотила, и предмет сей постепенно превращается в свинцовый. Только этого не хватало, что ж тут будешь делать?!

Однако держу лицо. Приветливо улыбаюсь клиенту. Хо-

рошо бы все же не отпускать его восояси. Я, конечно, наложением рук не исцеляю, толку от меня – чуть. Но какой дурак откажется от соблазна услышать: «Все будет хорошо». Затем он, надо понимать, и пришел.

– У врача я уже был, – поспешно докладывает дядечка. – И завтра снова пойду. Да, завтра... Понимаете, Варя... вас ведь Варя зовут?

– Варвара, – отвечаю с достоинством.

С именем моим такая беда: его до «Вари» сокращать не надо бы. Совсем несолидно звучит: «Варя». А «Варвара» – очень даже неплохо. Особенно сейчас, когда вдруг возродилась мода на все эти якобы исконно русские имена.

Исконно.

Русские.

Убиться веником.

А ведь была бы я Барбарой, если бы папа проявил чуть больше настойчивости, не дал бы запугать себя толстой тетке из ЗАГСа. Ну да чего теперь локти кусать, дело прошлое.

– Варя, – он меня вовсе не слушает. Повторяет: – Варя. Завтра мне нужно идти за результатами анализов. И у меня, милая Варя, сердце не на месте. Не то действительно предчувствие, не то просто нервы. Нехорошо мне, Варя. Страшно. Вот и пришел к вам. Можно узнать: в живых-то я хоть останусь?

– Это можно, – отвечаю спокойно.

Желудок меж тем болит так, что я сейчас выть начну. Ну,

не в голос, конечно, а тихонечко так поскуливать. Как замученная злодеями мышь. Но дело прежде всего, а потому я достаю из мешочка колоду Кроули. Когда человек уверен, что пришел ко мне с вопросами жизни и смерти, иные колоды бессильны. Проверено уж не раз.

– Садитесь, – говорю. – Можете снять пальто, а то жарко вам будет.

Мотает головой. Ну, как угодно. Впрочем, на вопрос его ответить – минутное дело. Нет ничего проще, чем подарить человеку жизнь или смерть. Вот чтобы восемнадцатилетней дурище помочь с женихами разобраться, как минимум час уйдет, да еще и семью потоми моими омытый.

Даю дядечке колоду. Нужно, чтобы он подержал ее в руках. Это не очень обязательно, но так все же проще. Да и нечестно это, когда самое заинтересованное лицо вовсе в процессе не участвует. Неправильно. Без труда – и вдруг рыбку.

– Что с ними делать? – спрашивает.

Эх. А руки-то у него влажные. Ну да что уж теперь...

– Ничего не нужно делать, – говорю. – Просто подержите. Обдумайте свой вопрос.

– Да я ни о чем другом все равно думать не могу!

О да.

Понимаю.

Наконец отбираю у него колоду. Перемешиваю. Раскладываю. Всего четыре карты. Больше и не нужно.

Переворачиваю карты, гляжу на результат. При этом у меня, надо думать, такое лицо, что дядечка мой изготовился в обморок грохнуться. Решил, что он труп. А это не он труп, а я. У меня в желудке поселился маленький василиск. И уже начал проедать во мне дыру. Снаружи пока не заметно, но скоро он прогрызет меня насквозь и выберется наружу.

– Нет-нет, – успокаиваю клиента. – У вас все очень хорошо. Просто прекрасно. Сейчас я вам объясню. Все бояться Аркана «Повешенный», знаю. Но для вас он символизирует текущую ситуацию. Показывает, как вы себя сегодня чувствуете. Неважно, судя по всему. Вам страшно, вы беспомощны, у вас болит...

– Желудок, – подсказывает он.

Ага.

Значит, желудок.

Сглатываю горькую, густую, как полынный гоголь-моголь, слюну. Продолжаю.

– Вторая карта говорит о вашей проблеме. Король чаш. Тут вам важно знать вот что: помимо прочего, он – король иллюзий. Не буду утверждать, что вы свою болезнь выдумали, просто ваше воображение делает слона – ладно, не из мухи, а, скажем, из енота. Имейте в виду: ваши страхи – никакие не предчувствия. Просто страхи. И бог с ними... Самое главное, что вам нужно знать: последняя карта – Солнце. Просто замечательно все для вас закончится. Вы даже не ожидаете сейчас, что так хорошо может быть. И живы

останетесь, и жизнь эта будет феерически прекрасна. Лучше прежнего. Много лучше.

– Правда, что ли? – хмурится недоверчиво.

– Ну сами поглядите, – показываю ему карту. – Это – итог. Чем дело кончится, иначе говоря. Как, по-вашему, может такая картинка что-то плохое означать?

– Вряд ли.

Клиент мой наконец расслабился. Улыбается даже. Ну, слава тебе господи. Прежде чем умереть от зубов внутреннего василиска, я, кажется, увеличу число счастливых идиотов на одну человекоединицу. И это правильно: счастливых идиотов должно быть больше, чем нас, несчастных придурков. Когда это случится, наступит рай на земле, истинно говорю вам. Жаль только, жить в эту пору прекрасную уж не придется...

Мне, кажется, и вовсе больше жить не придется. Сдохну ибо, здесь и сейчас. Безотлагательно.

«Стоп, – говорю я себе. – Миленькая, солнышко мое, ну потерпи еще чуточку. Вот дяденька уйдет, и тогда делай что хочешь. Хоть на стенку лезь. Но не сейчас, ладно? Доведи дело до конца, будь человеком».

– У вас врач женщина? – спрашиваю.

Кивает.

Это хорошо. Откуда мне знать, на какую из его баб указывает распрекрасная Дама Кубков, которая позиционируется в данном раскладе в качестве способа решения проблемы?

Вполне могла быть жена или подруга, чья любовь окажется целительнее всех лекарств. Но тут я уже просто головой немного подумала. Решила: если уж все так серьезно, что человек результата анализа ждет с трепетом, вряд ли тут можно одной любовью, без докторов проблему решить...

– Это очень хороший врач, – говорю. – Держитесь ее, и все будет путем... И, кстати, имейте в виду: если вы вдруг положите на нее глаз, это может быть очень неплохое приключение. Или даже больше, чем приключение. Одним словом, если что, решайтесь.

Снова кивает. Глядит на меня изумленно. Неужто правда, красotka его лечит? Ай да я, ай да молодец! И все это, заметьте, граждане ангелы и прочие мучители, с каменным василиском в желудке. Внимайте и трепещите.

– Какая вы!.. – говорит он наконец. – Знаете, Варя, теперь я вам верю. Вы все правильно сказали про врача – ну, почти правильно. Я в нее много лет был влюблен, но тогда она была женой моего друга. А теперь и друг не друг, и она ему не жена. Словом, я и так собирался попробовать – если, конечно, завтра помирать не позовут. Но вы ведь говорите, не позовут?

– Ни в коем случае,

Мотаю головой. Стараюсь. Чувствую себя не то Жанной д'Арк, не то вовсе Зоей Космодемьянской. Или кого там еще пытали немилосердно?..

Мне тоже не слабо. Я держусь.

Дяденька мой наконец собрался уходить. Вынимает из бумажника пятидесятидолларовую купюру. Это, надо понимать, очень круто: час моей работы стоит триста рублей. А за такое коротенькое гадание больше двухсот брать стыдно.

– Столько – нормально? – спрашивает.

Отвечаю честно, хоть и не в моих это правилах – от денег отказываться:

– Даже много.

– Это ничего, – говорит, – так и надо, чтобы много. Спасибо вам, Варенька. Если все завтра обойдется, с меня еще причитается. Завтра же и причитается. Приду к вам с подарком, можно?

– С четырех до одиннадцати я тут, – киваю.

Его энтузиазм мне понятен. Это он не со мною, это он с судьбой торгуется. Я бы на его месте тоже наобещала с три короба. Да я и на своем наобещаю, пожалуй. Не помешает. Вот: если боль до завтра пройдет, я все эти дядины подарки Марине передарю. Даже если он мне серебристый «Мерседес» к черному ходу подгонит. Честно-честно, передарю. Обещаю.

Дала зарок и вроде полегче стало. Дурацкая детсадовская техника борьбы с бедой. Но она работает. А мне того и надо.

Клиент наконец уходит. И мы с василиском остаемся наедине.

Услышав, как хлопнула дверь, ведущая в зал, падаю ничком на футон. Издаю наконец протяжный стон. Господи, как

же мне этого хотелось! Выкричать, выплюнуть, исторгнуть из себя боль. Всю, без остатка.

Она, и правда, выстоналась. Заткнувшись, я вдруг поняла, что желудок снова друг мне, а не враг. Не злодей, не масон, не шпион заокеанский. Свой в доску, братушка. Любит меня, жалеет, щадит. Не болит больше. Совсем.

Обретя способность соображать, я содрогаюсь. Обдумав все как следует, содрогаюсь снова. Поразмышляв с четверть часа, понимаю, что так и с ума сойти недолго. Покидаю свой кабинет, бегу, как крыса с тонущего корабля. Бегу к Маринушке. Она хорошая, она любой бред выслушает, скажет что-нибудь простое и мудрое, кофе, что ли, нальет. Посмеется надо мной: «Ну ты выдумала, Варвара-краса! От чужой боли, значит, корчишься? Сопереживание, говоришь? А простое русское слово «совпадение» тебе известно? – спросит. – Два совпадения в день – это, конечно, много. Но не слишком. Еще и не такое бывает, при твоей-то профессии. Пойди, что ли, – скажет, – прогуляйся».

А мне того и надо: прогуляться.

Стоянка II

Знак – Овен.

Градусы – 12°51' 26" – 25°42' 51"

Названия европейские – Альботаим, Аллотхаим, Альрохан.

Названия арабские – аль-Бутайн – «Брюшко, Маленькое Чрево».

Восходящие звезды – эпсилон, дельта и пи Овна.

Магические действия – изготовление пантаклей для поиска источников и кладов.

С утра, дожидаясь завтрака в «Шоколаднице», я успел схоронить мамашу – это для начала.

Чуть не свихнулся от диковинной смеси тоски и облегчения; уши пылали от стыда, но к вечеру тоска отступила во все, а облегчение сорвалось с цепи и оказалось самым настоящим ликованием. Вины за собой я больше не чувствовал. Веселился, словно бы матушка не умерла, а, скажем, уехала в отпуск. Или, того лучше, вышла замуж за иностранца (если у кого-то достанет воображения представить себе иностранца, решившегося жениться на приземистой басовитой толстухе шестидесяти семи лет от роду), уехала на край земли и никогда, никогда, никогда не вернется. Ревнивый муж не позволит, например. Или просто не хватит денег на билет. А нам того и надо.

Два дня спустя, я впервые привел Галю к себе домой. В нашу с матушкой то бишь квартиру. Теперь это называлось: «к себе». У меня, пожалуй, хватило бы энтузиазма трахнуть ее непосредственно на мамашинем смертном ложе, но Галя почуяла неладное. Спросила: «Где *ее* комната?» Сказала: «Я туда не пойду!» Ну и ладно. Не очень-то и хотелось. Так, разве смеху ради...

Устроились на моем диване, в гостиной. Призрак матушки не препятствовал моей эрекции, преждевременной эякуляции, напротив, не способствовал. Вот уж не ожидал от покойницы такого великодушия. Все у меня выходило не просто хорошо – отлично! Как никогда. И не только с Галкой. Постель тут вообще дело десятое. Главное, я теперь чувствовал себя так, словно вместе с матушкой в крематорий отправились все семнадцать пар моих коротких штанишек и восемь совочков из красной пластмассы, и ненавистный, громоздкий, гремучий дядькин велосипед, на котором я так толком и не выучился ездить: сперва ноги до педалей не доставали, а после просто надоело падать. И, кажется, в колумбарии упокоились воспоминания обо всех неудачах и промахах, ошибках и обидах. В тот вечер я был взрослым младенцем, почти без прошлого, почти без личной истории – так, карандашный набросок в несколько страниц, ничего толком не поймешь.

Галя выла, как раненая волчица, закатывала глаза и содрогалась так, что меня почти укачало. Но в финале вместо

обычной благодарной сонливости я испытал азарт и досаду. «Как могло выйти, – думал я, – что за последние четыре года у меня не было никого, кроме этой женщины?»

А вот так и могло.

У Гали была квартира, у меня – матушка. Многие пары сходятся по той же причине. Одному некуда податься, другому, обладателю стылого, холостяцкого жилья, нужен хоть кто-то, хоть изредка, а лучше бы – на постоянной основе. Но это уж как повезет.

Признаваться себе, что я вовсе не люблю Галю, а довольствуюсь ею за неимением лучшего, было вовсе не противно. Было даже приятно, что греха таить! Разнообразные новые возможности сопели под дверь, цокали коготками в коридоре, как одомашненные ежи. Я наслаждался их близостью.

Галка почуяла неладное. Разревелась, укоренившись носом в моей ключице. «Я так люблю тебя! – говорит. – Мне так с тобой хорошо, так хорошо...»

Идиотка. Зачем реветь раньше времени, если хорошо? И зачем врать, если плохо?..

Я так ей и сказал.

Уже неделю спустя на этом диване побывала рыжая Оля, девятнадцатилетняя студентка, родом, кажется, из Подольска. Месяц изображала неуголимую страсть, в духе «Девяти с половиной недель», между делом осторожно вынюхивала: не подсоблю ли с московской регистрацией? Я бы и рад помочь, но жертвовать девственной чистотой собственного

паспорта ради чужих бумажек – как-то уж очень нелепо. Да и хлопотно; не зря фиктивные браки денег стоят. Тяжкий, неблагодарный это труд – жениться.

Потом была Инна, маленькая, полная, усеянная веснушками, виртуоз, между прочим, в оральном деле, каких поискать. Этой от меня ничего не было нужно – разве только мужу-гуляке отомстить. Потому и не скрывала от него ни единой подробности, даже адрес мой зачем-то разболтала. После третьего кряду визита раззадоренного супруга пришлось завершить наш роман: войны мне хватало при мамаше, теперь отчаянно хотелось мира.

Обе рыжие совместными усилиями принесли мне удачу: появилась новая работа, случилась неожиданно успешная и быстрая, слишком быстрая даже, карьера. Волной пошли какие-то бесконечные выборы, от губернаторских до президентских; море работы, непрерывная, многомесячная медиа-истерика, и я в центре циклона, почти величественный в своем пофигизме. Где наша не пропадала? Да, собственно, нигде не пропадала пока.

В финале этого марафона была грандиозная пьянка по случаю нашего общего умеренного успеха и последний, решительный гонорар, размер которого позволял целую неделю упиваться собственным могуществом, а потом еще три месяца – просто радоваться. Отпуск на Филиппинах, недорогие, но качественные объятия туземных девиц, экзотические коктейли под звездным небом, ночное купание в океа-

не, почти экстатический восторг и дикий, животный ужас, охвативший меня, когда тело осознало, что болтается уже не между небом и землей, а между двумя темными, густыми, как застывающее желе, безднами. Был и восторг благополучного возвращения на берег, всего-то несколькими минутами позже. Кому суждено быть повешенным, не утонет, как же, как же...

Потом дело пошло хуже, меня накрыла вялотекущая московская депрессия. Была какая-то фрилансерская работа, все больше по мелочам, утреннее пиво вместо кофе, непрерывный послеобеденный коньяк, вялотекущие ночные кутежи – когда в компании коллег по многочисленным бывшим халтурам, а когда и в полном одиночестве, лицом к лицу с новеньким монитором, чьи технические характеристики должны были убереечь мои глаза от слез, да вот не всегда справлялись с этой задачей.

И вдруг, откуда ни возьмись, румяная, черноглазая Маша, неожиданно упала мне в руки – не с неба, из окна бельэтажа. Ну, положим, не упала, а деликатно сползла с подоконника, под восторженный писк подгулявших подружек. Очень уж, – объясняла потом, – захотела познакомиться.

Был короткий, пылкий, как в школьные годы, роман и тихая, без особых понтов свадьба. Был новорожденный сын Егорка; когда я первый раз взял его на руки, содрогнулся от страха и, не стану врать, брезгливого недоумения: что за существо такое нелепое? И при чем тут, собственно, я?! И ост-

рая, щемящая, никогда прежде не испытанная нежность, накрывшая меня теплой волной несколько месяцев спустя – просто так, ни с того, ни с сего. Просто дошло, наконец. Как до жирафа. Были Егоркины первые шаги, и вторые шаги, и третьи, и четвертые. Слово «папа» он выучил гораздо позже, чем «мама» и «дай», но я на него не в обиде. «Мама» и «дай» действительно важнее. Умница, сынок.

В этой судьбе, судя по всему, не намечалось трагедий; впрочем, ничего интересного там тоже больше не намечалось. Поэтому я решил, что с меня хватит. Долгую, благополучную старость пусть проживает во всей полноте, было бы что проживать...

Я вернулся к собственной жизни и принялся уплетать блинчики с шоколадом, благо сонная Лолита с фиолетовыми волосами наконец принесла мой заказ. Угрюмый тип за соседним столиком, до белого каления доведенный невменяемой мамашей, так ничего и не понял. Поковырял кекс, допил кофе, скорчил брезгливую гримасу, расплатился и вышел вон. Ну да, они никогда ничего не замечают, обычное дело. Но именно к этому я и не могу никак привыкнуть. Раздеваешь человека, можно сказать, догола, присваиваешь самые яркие впечатления и острые переживания, отмеренные ему судьбой, а он ни сном ни духом. Другое дело, если червонец из кармана потащишь. Вот тогда визгу не оберешься.

Так то ж червонец.

Покончив с блинчиками, я огляделся по сторонам. Утрен-

ние посетители «Шоколадницы» – не бог весть что, но почему бы не попробовать еще раз? Миниатюрная женщина с черешневыми глазами, возможно, окажется отменным поставщиком упоительных ощущений. Сейчас-то она целиком в моей власти: хочет умереть, проклинает судьбу, себя, *его* и еще примерно дюжину человек, но это, будем надеяться, минутная слабость.

Поэтому – выдох.

И вдох.

Мое тело скукоживается на хрусткой простыне. На животе – грелка со льдом, под головой твердый ком свалявшейся больничной подушки. Телу больно и холодно, но оно ликует. На душе камень, сердце изодрано в клочья невидимыми, но немилосердными кошками, разум ошалел от давешнего наркоза, а тело, поди ж ты, ликует. Его наконец выпотрошили, опустошили и оставили в покое. Подарили ему блаженное одиночество, избавили от необходимости делить все на двоих.

Мне, надо понимать, только что сделали аборт. Мне, страшно признаться, хорошо, как давно уже не было. Потому что медицинская мерзость осталась позади, а впереди – все, что угодно, кроме этой мерзости. Сейчас я еще немножко полежу, посплю, а завтра начнется новая жизнь. Не обязательно прекрасная и удивительная. Вовсе не обязательно. Но все же новая. Все же жизнь. После смерти. Не сказать, что моей, но и не совсем чужой. Фиг поймешь, кто именно

умер полчаса назад. И какая, к чертям свинячьим, разница?

Странно все же, почему я так боялась? Было бы чего бояться. Убийство себе и убийство, к тому же чужими руками; собственными ничего делать не надо... А вот интересно, братец-двойник Оле Лукойе, тот, который рассказывает детям Самую Последнюю Сказку – неужели он кладет на свое седло всю эту мелочь, нерожденных, невыношенных, ненужных младенцев, вычищенных на ранних сроках? Было бы странно рассказывать сказки этим мальчикам. С другой стороны, оставлять мертвых детей вовсе без сказок нехорошо. Очевидно, для этих крошек у Оле Лукойе припасены мертвые зародыши сказок. Сказки, которые однажды начинали рассказывать, да обрывали на полуслове, отвлекались на другие дела, а потом забывали или просто повода не было завершить рассказ.

Тихонько смеюсь, спрятав лицо в подушку. Лучше бы никто не слышал моего смеха. Заплюют ведь. Мне сейчас веселиться не по чину. Мне следует лежать с постной физиономией. Можно чуть-чуть поплакать, но тихонечко, чтобы не досаждать соседкам по палате и, самое главное, младшему медицинскому персоналу. Ибо месть его воспоследует незамедлительно.

Дальнейшие переживания куда менее интересны. Непродолжительный, но бурный загул по случаю «выздоровления». Пробуждение в постели с подружкой, веселое удивление, приступ вполне понятного энтузиазма. Открытие новых

возможностей. Три непродолжительных, но приятных романа с красивыми барышнями – очень удобно, когда требуется спокойно, без суеты и надрыва дожидаться прекрасного принца, без которого, как ни крути, не жизнь. А вот с ним, надо понимать, жизнь. Логически рассуждая.

«Жизнь» – это вот что. Жизнь – это у нас несколько тысяч качественных, добротных оргазмов и примерно столько же нервных срывов, тягостных для окружающих, но вполне сладостных для исполнительницы; несколько сотен умопомрачительных обновок, несколько десятков путешествий, пара-тройка вялых попыток вспомнить былые умения и устроиться на работу – с самого начала было понятно, что они обречены на провал и, в общем, никому не нужны, но... Но.

В любом случае с работой ничего не вышло. Принц был против, будущие начальники не то чтобы в восторге, да и сама не слишком-то хотела. Чего действительно хотела, так это отвлечься от дикого, неконтролируемого, непреодолимого страха смерти. Путешествия, нервные срывы, наряды и даже любовь с ним не справлялись. С каждым оргазмом ужас становился все сильнее, но это понимал лишь я; женщина с черешневыми очами так глубоко в себе не копалась. И вообще не копалась. Не так уж интересен человек, чтобы рыться в человеческих заморочках с утра до ночи, тем более, в собственных, – примерно так она думала.

Умница, маленькая моя.

«Маленькая моя», – это словосочетание мне доводилось

слышать чаще прочих. И еще: «сладкая моя». Жизнь вышла такая же: вполне сладкая и не сказать чтобы большая. К тридцати семи годам тело вдруг решило, что с него хватит, и изготовилось умереть.

Я не стал докапываться до причин, не дождался диагноза, спешно ретировался, как только почуял, чем тут пахнет. Это поначалу мы все смакуем переживания умирающих, словно бы чужой опыт может оказаться для нас своего рода прививкой от смерти. Глупости, конечно. Не бывает таких прививок. Сильно жирно, надо понимать. Считается, что мы перебежся.

Правильно в общем считается.

Я расплатился, накинул куртку, вышел из кафе. Пока я завтракал и снимал сливки с чужих судеб, машина остыла, но не фатально. Мерзнуть в салоне, ждать, пока прогреется, не обязательно. Вот и славно: дел у меня сегодня как никогда. Я уж отвык от такого ритма. Привыкать заново не имеет смысла: сегодняшний день – исключение из правила, пусть таковым и остается.

Правило это, не мною, понятно, придумано, но усвоено почти с восторгом. У *накха* не может быть собственной жизни, – примерно так я это для себя формулирую. Это не табу, нарушив которое ослушник лишится чего-нибудь прекрасного и полезного, вроде головы. Просто подразумевается, что собственная жизнь ребятам вроде меня ни к чему. Отвлекает.

Так оно, по чести сказать, и есть. Я не раз проверял.

Но сегодня мне следовало предпринять великое множество мелких усилий ради длительного и комфортного хранения собственной шкурки. Получить три гонорара: один на юго-востоке Москвы, другой – на северо-западе, третий, самый мелкий, хвала всему, что шевелится, в центре. Пока находятся психи, готовые оплачивать мятой бумажной монетой пустопорожнюю мою болтовню, о шкурке можно не слишком беспокоиться. Чего-чего, а слов на мой век хватит. Венька, старый дружище, помнится, смеялся надо мной, говорил, что в прошлой жизни я был Оле Лукойе. Дескать, жил, не тужил, по чужим снам перекати-полем мотался, морочил голову детишкам, а умер по-дурацки, подавившись спьяну собственной сказкой. И вот теперь суждено мне хрипеть, отхаркиваться, стараясь выплюнуть ту, древнюю, недосказанную небылицу и умолкнуть наконец.

Не выходит пока. Трындеть мне не перетрындеть, что бы ни случилось.

С точки зрения бытовой выгоды, оно и к лучшему.

Часть денег следовало тут же отвезти квартирной хозяйке, еще несколько мелких порций поделить между телефонной станцией, интернет-провайдером и прочими полезными кровососущими организациями. Полупустые хлопоты, сушущая ерунда, на исполнение которой в каком-нибудь уютном провинциальном городе ушло бы часа три, а вот в Москве если и хватит рабочего дня, то чудом. Хорошо хоть, жизнь

моя так истончилась, стала столь незначительной, что вряд ли в ней найдется место апокалиптическим автомобильным пробкам. Разве что мелким заторам у светофоров. Это – пожалуйста, это перетерпим.

Дня мне кое-как хватило. В девять вечера я – не вышел, коlobком выкатился из подъезда Виктории Борисовны. Влип я с нею, конечно. Застать на работе не успел, пришлось отправиться домой и принести время своей жизни в жертву законам гостеприимства. Снять ботинки, вымыть руки, полтора часа пить чай с ванильными сухарями перед телевизором, обсуждать, с позволения сказать, «новости». Спешно сочинять собственные мнения о текущих событиях, да так, чтобы, с одной стороны, не слишком разойтись с почти младенческими суждениями Виктории Борисовны, а с другой – чтобы самого не стошнило на крахмальную скатерть в процессе выступления. Не бог весть какое умственное усилие, но все же муторная работа. Хуже, чем статьи для дамских глянцеv писать, ей-богу.

Дом – это очень, очень важно.

Дом нужен всякому человеку; другое дело, что глубинные мотивации у нас, квартиросъемщиков, разные. Кому-то дом нужен для того, чтобы туда возвращаться, кому-то – чтобы было куда приводить других людей, кому-то требуется место, которое можно обустраивать по своему вкусу и разумению, а кому-то – запереться на полдюжины замков и вздохнуть с облегчением: «Уж теперь-то наверняка доживу

до утра». А мне дом нужен для того, чтобы было откуда уходить. Диковинная придурь, не спору.

Сколько себя помню, всегда был одержим желанием уйти из дома. Вовсе не от родителей: детство у меня получилось не то чтобы счастливое, но вполне благополучное, жаловаться особо не на что. Уйти хотелось ради самого жеста: вот дом, я тут живу, смотрю сны по ночам, валяюсь на диване с книжкой, загораю на балконе, храню нужные, полезные и просто любимые вещи, и вдруг, ни с того ни с сего, переступаю порог, запираю дверь и иду неведомо куда и зачем. Просто ухожу, чтобы уйти, и все тут.

Я и уходил, собственно, великое множество раз, но всегда возвращался. Если не к ужину, то хотя бы на рассвете. Здравый смысл подсказывал: не вернусь сам – вернут силой. А превращать потаенную мечту в скандал, бунт и заведомо проигранную битву мне не хотелось. Не мой стиль. Всякий жест следует исполнять красиво или уж не делать вовсе, – так мне всегда казалось.

Став старше и поселившись отдельно от родителей, я окончательно убедился, что желание уйти из дома вовсе не было связано с потребностью избавиться от докучливых сожителей. Сколько бы лет ни жил один, а по-прежнему больше всего на свете хотел *уйти из дома*.

Другое дело, что, став взрослым, я вполне мог позволить себе такую придурь. Загулять на несколько дней, а то и недель, ночевать у друзей и подружек, завяяться в другой

город – да мало ли вариантов? При этом совершенно не обязательно обещать себе: «Ни за что, никогда, ни при каких обстоятельствах не вернусь!» Вполне достаточно знать, что так может случиться как бы само собой, без особых усилий.

Собственно говоря, дважды такой фортель мне удался. Одна комната, за тысячу километров отсюда, до сих пор, небось, пустует на радость местным паукам, тараканам и мышатам. Ну и славно, надо же им хоть где-то отдыхать от бесконечной битвы с людьми...

Судьба второй навсегда покинутой съемной квартиры мне неизвестна. Могу лишь предположить, что ее законный владелец был совершенно счастлив, обнаружив, что я оставил там не только драные джинсы, да несколько ярких кофейных кружек, но и новехонький музыкальный центр. Очень уж не хотелось туда возвращаться; теперь, пожалуй, и не вспомню, почему.

Зато теперь я отлично устроился. Выходя из дома, могу быть совершенно уверен, что если и вернусь, то лишь полдюжины жизней спустя, никак не раньше. А это, если разобраться, много позже, чем «никогда». Несколько «никогда» спустя – так, что ли, получается?..

И, да, кстати, о возлюбленной моей «никогде». За мужество, проявленное при личном общении с Викторией Борисовной, мне, безусловно, полагается награда. Ничего из ряда вон выходящего, чашка кофе, пирог какой-нибудь яблочный и пара-тройка чужих судеб на закуску, чтобы слаще спалось.

Отличное решение.

Благо кафе – вот оно, через дорогу. Называется «Кортиле». «Дворик», если я ничего не путаю. Смешно, конечно: закрытое помещение «двором» именовать, да еще и писать импортное слово кириллицей. Зато вывеска славная, полосатая, а из огромных окон льется топлёный, желтый, сливочный свет. Мне определено туда.

Захожу, направляюсь в самый дальний угол, устраиваюсь на уютном гибриде дивана и садовой скамейки. Осматриваюсь в поисках добычи. Опаньки. А ведь, возможно, придется ограничиться кофе и пирогом. Больше ничего мне тут, боюсь, не светит. Кафе хорошее, но народная тропа к нему пока явно не протоптана.

Какая уж там тропа. Кроме меня тут только две барышни, черненькая и беленькая, этакий новейший римейк древней шведской поп-группы «Абба». Устроились у окна, на радость редким прохожим. Щебечут без умолку, бурно жестикулируют, телефоны – и те звонят ежеминутно. Тут мне точно ловить нечего: девочки слишком заняты друг другом и делами; вряд ли им придет в голову жаловаться на жизнь. Не тот момент. Да и темперамент, кажется, не тот.

Что ж, искренне рад за них.

А мне и кофе с пирогом сойдет, для начала. Беспокоиться не о чем: вечер только начался, а в этом большом городе полно мест, словно бы специально созданных для желающих пожаловаться на судьбу. Без добычи не останусь. Ну

а пока можно пить кофе и радоваться своему открытию: не знаю, какая здесь кухня, но за интерьер и освещение многое можно простить авансом. По стенам тут развешены не картинки-фотографии, а какие-то немыслимые архитектурные планы и чертежи. В частности, над моей головой красуется подробная схема русской избы. За одно это счастье расцеловал бы троекратно здешнего дизайнера, невзирая на пол и возраст.

Но пока вместо дизайнера судьба послала мне хрупкого юношу. Юноша называется Денис – если верить надписи на груди. По счастью, юноша Денис вовсе не хочет целоваться, он хочет меня кормить и поить.

Что ж, достойная цель.

Делаю заказ, закурываю. Наконец понимаю, что можно снять куртку – согрелся. Раздеваюсь, заодно беру со стойки газету под названием «Газета» – не читать, прикрываться. Как и зачем люди читают газеты, неведомо, а вот прятаться за ними действительно удобно. Думаю, для того и был изобретен газетный формат, чтобы всякий человек мог сокрыть лицо в общественном месте.

А зачем бы еще?

Чтобы, к примеру, скоротать время – скажете? Но мне вовсе не нужно *скоротать время*. Единственное, что, на мой взгляд, имеет смысл проделывать со временем – тянуть его, растягивать всеми доступными способами. Время – это, собственно, и есть жизнь.

Вот я и тяну на свой, особый манер. Выходит, что и говорить, причудливо. Но мне нравится – пока. А разонравится, можно будет выдумать что-нибудь еще. Все *накхи*, говорят, довольно быстро сходят с дистанции... Впрочем, что значит – «быстро»? С точки зрения стороннего наблюдателя, пройдет, скажем, пару лет, говорить не о чем. А для *накха* – тысячи, да нет, какое там, десятки тысяч жизней, почти настоящих, только немного короче и во много крат ярче. Сгущенные сливки, квинтэссенция, концентрат.

Люди, конечно, от всего устают, рано или поздно. Но я пока только вхожу во вкус. Второй год пошел; не так уж мало по нашим меркам. Но и не слишком много. В самый раз.

Когда мне принесли капучино – а какой еще аперитив может выдумать для себя вечный сиделец за рулем? – в кафе появилось новое действующее лицо. В высшей степени симпатичное действующее личико, обрамленное эффектной копной смолых кудрей. Прошлась по залу, заглянула в соседний, вернулась, устроилась за столиком у окна, но тут же вскочила, переметнулась в дальний, самый темный угол, где и уюстилась, наконец. Долго, со вкусом разоблачалась. Я с удовольствием разглядывал ее, прикрывшись газетой. В долгополой дубленке барышня выглядела чуть ли не кустодиевской моделью, но под толстым слоем овчины обнаружилось совсем немного плоти. Так, сущие пустяки.

Прекрасные, следует признать, пустяки, да еще и упакованные в черные шелка и ситцы, изукрашенные причудли-

выми этнографическими этюдами неведомой вышивальщицы. Девушка, определенно, не от мира сего (оно и славно), но вкус при этом у нее отменный. Был бы барышней, сам бы так одевался – ну, иногда.

Любовался я, каюсь, не вполне бескорыстно. У всякого Серого Волка свой интерес. Одних волнуют тела прекрасных странниц, других – пирожки в их корзинках, а кому-то просто нужен хороший попутчик, чтобы вывел из чащи куда-нибудь к людям, всякое бывает. Вот и я, повинуясь не то привычке, не то любопытству, приняхивался к незнакомке, прикидывал: уж не моя ли добыча? Что у девочки сердце не на месте – не только опытный *накх*, обычный психолог сразу заметил бы. Нервничает. Беда, не беда, не знаю, но какая-то проблема у нее точно имеется. И вряд ли пустяковая. Подробности узнать ничего не стоит, но есть у нас такое правило: не лезть в чужие дела, пока человек не принялся проклинать судьбу. Жизнерадостность и стойкость – вот вернейший способ обезоружить *накху*. Вроде бы проще простого, но наука эта по плечу, в лучшем случае, одному из дюжины. Так что без добычи мы не останемся.

А вот кудрявая незнакомка жаловаться на жизнь пока не собиралась. Проклинать судьбу – тем более. Не из того она теста, сразу видно. Такая точно не станет ныть. Стиснет зубы, вздернет подбородок и пойдет на костер, чтобы сгореть там от любви к жизни. Хорошая.

Я и сам такой был. Да и сейчас, собственно, такой – если

предположить, что от меня осталось хоть что-то.

Ну, надо думать, что-то все же осталось.

Минут двадцать я вполне бездарно на нее пялился, благо иных посетителей в кафе все равно не было. За это время я успел изничтожить суп из шампиньонов (почти божественный) и кусок яблочного штруделя (более чем посредственного). Лишь тогда во мне шевельнулось слабое подозрение. Впрочем, разум тут же устыдился, попытался сделать вид, будто и не было ничего. Ни единой вздорной идеи насчет прекрасных незнакомок. Что вы, что вы, да разве так бывает?!

Но я поймал себя на горячем. Ухватился за бредовое предположение, предпринял усилие, чтобы четко его сформулировать, проговорить – не вслух, про себя, но максимально членораздельно.

«Кажется, барышня из *наших*», – вот что я себе сказал.

Немедленно усомнился, почти смутился. Но проверил свою догадку, благо дело нехитрое. А после четырежды перепроверил, не доверяя собственному энтузиазму. Я и деньги так пересчитываю, несколько раз кряду, искренне удивляясь, когда сходится итоговая сумма. словно бы привык жить в зыбком, неустойчивом мире, где концы никогда не сходятся с концами, а всякое правило работает лишь однажды.

Ну да, ну да, в каком-то смысле привык. Какой с меня спрос?..

Поверив наконец собственным органам чувств, внутрен-

них дел и внешних сношений, я уронил газету на колени, руки на стол, а голову на руки. Я понятия не имел, что делать с обретенным сокровищем. Вот ведь всегда знал, что рано или поздно мне предстоит встретить нового *накха*, несмышленища, представления не имеющего о собственном сладостном (и вполне бесполезном) могуществе, – и ни разу не подумал, что, собственно, буду с ним делать. Ну, представлял как-то смутно: стоит глазам нашим встретиться, и все уладится как-нибудь само собой – а почему бы, собственно, нет? Вот мы с Михаэлем, помнится, поняли друг друга с полуслова, разве не так? Со скверного, заметим, англосаксонского полуслова, искаженного немыслимым славяно-германским акцентом. Вообразить страшно, как бы это звучало для стороннего уха.

Все это однако не дает внятного ответа на единственный актуальный сейчас для меня вопрос: «Что делать?»

Зато совершенно ясно, кто виноват.

Михаэль, кто же еще?

Стоянка III

Знак – Овен – Телец.

Градусы – 25°42' 51" Овна – 8°34' 02" Тельца.

Названия европейские – Аскория, Аскорижа, Альхадмассон, Атхорайе.

Названия арабские – ас-Сурайя – «Люстра».

Восходящие звезды – Плеяды.

Магические действия – заговоры на любовь.

Маринушка, как я и предполагала, отправила меня гулять. Сказала: пойди, прокути свой гонорар. Что ж, правильно сказала. Сорок долларов невелики деньги, жизнь мою они вряд ли кардинально переменят, зато удовольствия можно получить море – ежели умеючи.

Заглянуть в художественный салон на Кузнецком, перемерять пару дюжин серебряных колец, повертеть в руках несколько ниток каменных бус, отказаться от всего разом и, повинувшись внезапному порыву, купить пару флакончиков-пробников туалетной воды. Махонькие совсем, зато в кошельке по-прежнему полно денег, а счастья недели на две хватит, пожалуй. По соседству, в вегетарианском кафе, обрести два пирожка, с вишней и с курагой, чтобы жевать на ходу. Пройтись пешком по вечернему городу, свернуть на Бульварное кольцо и потопать дальше, наслаждаясь долгожданным нулем по Цельсию, удобной колодкой ботинок и

возможностью никуда не спешить. Добравшись до Покровки, заглянуть в магазин «Белые облака» на предмет мелкооптовой закупки звонких медных браслетов, дешевых, как трамвайные билеты. Обнаружить, что магазин закрылся четверть часа назад, пошарить по темным чуланам души в поисках хотя бы намека на досаду, убедиться, что настроение не желает портиться, удивиться, улыбнуться, сощуриться от удовольствия, выйти на улицу и обнаружить, что хочется кофе и покурить. Да так хочется – мочи нет терпеть.

Кафе – вот оно, в полусотне метров от закрытого магазина. Называется «Кортиле». Новое вроде бы. В прошлый раз на этом месте никакого кафе, кажется, не было... И что за хрень такая – «кортиле»? Представления не имею. Эх, не тем языкам тебя, мать, всю жизнь учили, отдавали предпочтение германским, игнорировали романские – вот и топчись теперь под вывеской, рот разевай.

Зато огромные окна, душа нараспашку. И интерьер мне понравился – насколько можно было оценить его, стоя на улице. И свет там хороший: теплый, но не слишком яркий. Неназойливый.

Вот и славно. Именно то, что требуется одинокой скитальце, которую злая судьба только что лишила полукилограмма медных браслетов. Что, в сущности, к лучшему.

Прежде чем войти, несколько секунд топчусь на пороге. Пограничное состояние, это я больше всего люблю: позади тьма, в затылок дышит еще зимний ветер, за шиворо-

том мокро от снежной крупы; впереди – свет, аромат кофе и сладкий табачный дым, щеки ласкает теплый воздух.

Хорошо.

Медленно пересекаю зал, оглядываясь по сторонам. Здесь почти пусто, только за столиком у окна сидят две девицы, блондинка и брюнетка. Не красотки, увы, зато лица живые, подвижные, глаза горят. Шепчутся озабоченно, размахивают телефонными трубками, словно бы дирижируют текущими событиями. В дальнем углу какой-то невнятный дядечка читает газету.

Иду дальше.

Второй зал, оказывается, для некурящих, тут и вовсе пусто. Понятно почему. Мы, «дорогие россияне», сперва подождем, пока американские ученые обнаружат в табаке какие-нибудь сверхполезные витамины, провозгласят корпорацию «Филлип Моррис» спасителем человечества и принудят всякую цивилизованную домохозяйку выкуривать хотя бы полпачки в день. И вот тогда-то объявим во всеуслышание, что у нас свой, особый путь, и бросим наконец курить. Дружно, всей нацией, в один день. Застуканному с сигаретой в зубах будет полагаться расстрел на месте, но сто баксов дани доброму дяденьке милиционеру, безусловно, продлят жизнь курильщика до следующей попытки.

Ну а пока в зале для некурящих ни единого посетителя. Только местные работники ножа и салфетки скукой маются. Встретили меня неподдельными, искренними улыбками.

Вручили меню. Обещали принять заказ через две минуты. Теперь, небось, станут вытягивать на спичках: кому меня обслуживать. Все же развлечение, да и чаевые, теоретически говоря, могут случиться...

Прижимая к груди объемистое продуктивное досье, возвращаюсь в обитель дыма. Труднее всего выбрать подходящее место в почти пустом зале. Когда один столик свободен, он кажется подарком судьбы. А вот выбирать наилучший из доброй дюжины вариантов – тяжкий, неблагодарный, хоть и творческий труд.

В конце концов я уселась у окна, но тут же переменила решение. Это что же получается, я буду жевать, а уличные скитальцы в рот мне смотреть? Нет уж. В рекламном агентстве я уже служила, было дело. Едва три месяца выдержала, а потом сбежала малодушно, так и не заработав всех кровавых долларов. Не моя стезя. Ох, не моя...

Поразмыслив, я пересела в максимально удаленный от окна угол. Еще один такой же закуток застолбил любитель свежей прессы, а этот, стало быть, мой. Вот и договорились.

Убедившись, что место на сей раз выбрано верно, я с наслаждением избавилась от дубленки. Формула счастья для зимнего времени года: верхнюю одежду долой, и целая минута телесного восторга в твоём распоряжении. А то и несколько минут – если перед этим побегать подольше. Насладившись разоблачением, пролистала меню. Цены не то чтобы вовсе уж никакие, но заметно ниже среднемосковского уров-

ня. Это приятно. Значит, можно не только кофе выпить, но и перекусить. Благо аппетит я нагуляла удивительный. Где там те пирожки?.. Теперь кажется, что не было никаких пирожков. Уверена, даже самим пирожкам теперь кажется, что их у меня никогда не было.

А пирожкам виднее.

После первого глотка кофе и первой затяжки на меня *навалилось*.

Так и знала. Вот ведь сучья подлость какая! Пока я гуляла, мне было хорошо, и должно было стать еще лучше. Совсем уж невыносимо, немыслимо прекрасно должно было мне стать от тепла, света и дымно-кофейной горечи во рту. Ан нет. *Навалилось*.

Все странные события дня...

Или стоп. Не будем преувеличивать. Строго говоря, всего два странных события. Но мне хватило. Сперва чужая зубная боль, потом чужая боль в желудке. Сколько бы я не твердила нехитрую мантру: «Совпадение, совпадение, совпадение, совпадениесов, падениесов, падение сов», – бесполезно. Сколько бы сов ни пало в этой битве, себя не обманешь. В первых, все сходится: пока я гадала крашеной блондинке, у меня болел *ее* зуб; пока разбиралась с хворым джентльменом, его персональный василиск грыз мое бедное пузо. Как только клиент за порог, мои хвори как рукой... Ага.

Так что все сходится. А на мой отчаянный вопль: «Что происходит?» – из колоды выпал Аркан «Шут». Не то глу-

мится надо мной небесная канцелярия, не то факт, и без нее вполне очевидный, констатирует: ни фи́га ты, Варенька, не понимаешь. Тычешься, как щенок бессмысленный, во все углы, да еще и лужу со страху, того гляди, напустишь. Пока не отвисишь на Мировом Древе положенный срок, будешь ходить дура дурой. Такие, брат, дела.

Все это я и без гадания могла себе сказать.

Вопрос: и как мне быть теперь?

Гадать только здоровым, больных выставлять за дверь? Дескать, хреновый из меня Айболит? Боюсь, при таком подходе бизнес наш с Мариной, и без того чахлый, совсем дуба даст: люди, у которых все в порядке, по гадалкам не ходят. Черт бы с ним, с бизнесом, авось, переводами прокормлюсь, но ведь только-только во вкус вошла, а мастерство в таких условиях растет день ото дня, сама удивляюсь... Ну и да, жилье дармовое, уютное, комнату при кафе в самом центре Москвы, чего греха таить, жалко терять. Маринушка – хорошая, долго еще меня терпеть будет, лишь бы каждый вечер на индейца Алешеньку карты раскладывала, но висеть у нее на шее совсем уж убыточным проектом я сама, пожалуй, не захочу. К осени нервы мои не выдержат, уж я-то себя знаю.

И что, ежели так?

Стиснуть зубы и терпеть? Перечитать книжку «Овод», эту подростковую библию, тайный Завет латентных садо-мазохистов? Помнится, в тринадцать лет мы с тобой при помощи блистательного инвалида Ривареса открытый перелом клю-

чицы перетерпели не пискнув...

Что, не нравится такая идея?

Не нравится.

А еще больше мне не нравится Аркан «Шут». Невыносимо это для меня – ничего не понимать. Какого черта?! Что за дрянь со мной творится?! Что за странный талант вдруг открылся? Наслаждаться чужими болячками, во всем многообразии – вот уж воистину дивный дар, спасибочки!.. Первые двадцать девять лет жизни все было хорошо, никакой тебе сверхчувствительности, и вдруг – нате, получите, распишитесь. Добро пожаловать в спецПТУ для начинающих чудотворцев, Варвара Георгиевна. Желаем приятно провести время и овладеть азами общественно-полезной бытовой магии.

Тьфу.

И ведь никому не расскажешь. Вот ведь как бывает: в кои-то веки захотелось пожаловаться, носом похлопать, совета, что ли, попросить, а некому.

Свинство, граждане.

После третьего глотка кофе я зверски удавила окурок в пепельнице и наконец поняла, что все это вполне смешно. Я вообще смешной и нелепый персонаж, а уж нынче у меня, можно сказать, бенефис. Взрослая ведь тетка, с высшим образованием, дважды удравшая из-под венца, трижды начавшая жизнь с нуля, книжки умные с утра до ночи не только читаю, а еще и перевожу – и вдруг подалась в гадалки, па-

рик этот дурацкий ведьминский вместо шапки ношу, людям голову морочу, а теперь вот, словно бы этого мало для хорошей комедии, выдумала себе мистическую проблему. Сопереживание у нее, видите ли... Нет чтобы к дантисту, что ли, сходить. И заодно к гастроэнтерологу или кто там на пузе специализируется?.. Такой вариант развития событий тебе в голову не приходил? То-то же.

Дав себе смутное, практически невыполнимое обещание добраться на досуге до какой-нибудь приличной, но недорогой частной клиники и там, в светлом врачебном кабинете раз и навсегда покончить с истинными причинами давешних «мистических озарений», я приободрилась и принялась наслаждаться интерьером. Что ни говори, а хорошо здесь все устроено, в этом самом «Кортиле». Мне, во всяком случае, нравится. Одни только архитектурные чертежи на стенах дорогого стоят. И кофе ничего себе. Не как в настоящей итальянской кофейне, конечно, но не хуже, чем у Марины. И уж, конечно, лучше, чем способна сварить я сама. Много лучше.

Суп из шампиньонов оказался и вовсе изумительный. Вроде ничего особенного, но чертовски вкусно. Как говорится, лучше, чем у мамы дома. Впрочем, моя мама суп-пюре из шампиньонов отродясь не готовила. Ей бы все борщами, да рассольниками детей человеческих мучить...

Покончив с супом, окончательно оттаяв и пересчитав в уме свои миллионы, я расхрабрилась и заказала еще чашку кофе и яблочный пирог. Гулять, так гулять. Можно сказать,

напоследок: теперь до пятницы носа из дома не высуну. Да и после – не факт. Жопой чую, в последний момент выяснится, что Наташкин экс-супруг похерил взятые на себя обязательства. Он ей через раз такое пристраивает, уже и сюрпризом не назовешь. И вот тогда не спать нам обоим до понедельника. Какие там прогулки.

Обдумывая эту, в сущности, не самую радужную перспективу, я в очередной раз понимаю, что абсолютно счастлива. Ну, или нет, ладно, не счастлива (если условиться, что «счастье» – состояние экстатическое), но живу именно так, как мне всегда хотелось. Это уж точно. Квартирные проблемы худо-бедно, временно, а все же решены. Родители и бывшие любовники-женихи остались за тысячу километров отсюда; вот пусть там и пребывают, так будет лучше для всех. В этом огромном городе у меня не наберется и трех десятков хорошо знакомых лиц, зато есть целых две работы, одна другой увлекательнее: гадания и переводы. Не Клондайк, конечно, но пропасть – не пропаду, это точно. И вместо начальства две подружки, Марина и Наташка. Идеальный вариант: у меня никогда не хватало времени и душевных сил на дружбу, а общее дело тут очень помогает. Я не дружу с этими женщинами ради выгоды иметь работу, скорее уж, работаю на них ради возможности наслаждаться их обществом. Это, кажется, всех устраивает. Меня-то уж точно.

И вообще, все у меня хорошо. А странности эти – с кем не случается? Пройдет, никуда не денется. В конце концов,

нельзя ведь работать гадалкой и жить вовсе без чудес.

Неприлично даже.

Развеселившись, наворачиваю пирог с утроенным энтузиазмом. Не сказать, что он так уж хорош, жевали мы штрудели и порассыпчатей, и яблоки в них были сочнее, и подливка – не столь приторная. Но кто я такая, чтобы роптать? Сама ничего подобного даже под дулом револьвера не испеку, это уж точно.

А значит, и тут мне повезло. Жизнь прекрасна. Лучше не бывает.

Ням-ням, хруп-хруп.

В основополагающих, фундаментальных принципах мироустройства, несомненно, заложена некая роковая подлость. Не раз уже замечала: стоит мне привести себя в умиротворенное состояние, и тут же, незамедлительно случается какая-то дрянь. Ну, то есть не обязательно именно «дрянь». Событие может быть вполне полезное, даже приятное, но непременно выбивающее из колеи. Это обязательное условие. Очевидно, считается, что человеку душевное равновесие при жизни не положено. Покой и воля нам только снятся, ага.

Обидно.

А уж на сей раз событие не было ни приятным, ни, тем паче, полезным. Оно и событием-то не было. Так, ерунда, говорить не о чем. Просто невнятный дяденька в противоположном углу разлучился наконец с возлюбленной своей га-

зетой. Гюльчатай открыла личико и оказалась вовсе даже не «дяденькой», а выюношем пылким, со взором горящим.

Во взоре, собственно, и дело. *Так* на меня еще никто, никогда не смотрел. До нынешнего вечера я и вообразить не могла, что существуют столь пронзительные взгляды, от которых пылают щеки и бьет озноб. Он словно бы раздел меня этим своим взором. Снимал, впрочем, не только и не столько ненадежные текстильные покровы; плотный кокон прожитых мною лет тоже, кажется, был размотан почти до основания, и перед бесцеремонным незнакомцем сидела сейчас не взрослая, самостоятельная, скорая на язык, умеренно прекрасная общепитовская гадалка Варвара, а маленькая, голенькая девочка Варя – не новорожденная, скорее, годовалая. По крайней мере, примерно так я себя почувствовала. Последние лоскутки времени он, надо думать, попросту не успел отбросить в сторону, ибо погасил взор, опустил глаза, развернулся на сто восемьдесят градусов и неспешно удалился. Не к выходу, а в соседний зал. В клозет, вероятно, отправился. Где таким ясноглазым демонам на мой вкус, самое место.

В целом, все получилось, как в старом анекдоте: «Мама, что это было?!» В роли малолетнего олигофрена наша несравненная Варвара-краса. Наслаждайтесь, дамы и господа!

Он ушел, а я влипла в стул, как космонавт, расплюснутый стартовой перегрузкой. Тупо глядела ему вслед, бура-

вила глазами поджарую задницу, словно бы решила таким образом поквитаться за собственную давешнюю беспомощность. Он же и не вздрогнул, собака такая.

Вот именно, собака.

Пес поганый.

Рыжий тощий уличный кобель.

Ну, правда, не апельсиново-рыжий, не огненный. Куда более приятный оттенок. Когда-то, задолго до радикальной стрижки и обретения смоляного парика, я сама извела множество тюбиков краски, чтобы добиться такого теплого, медового оттенка. А некоторые нахалы получают его даром, от природы. Несправедливо, да... Впрочем, может быть, он тоже крашеный? В Москве мужик с крашеными волосами не то чтобы такое уж обычное дело, но и не экзотика. Бывает, словом...

Когда он вернулся и снова закрылся газетой, я поняла, что ни о чем другом уже и думать не могу. Крашеный или натуральный? И почему он *так* на меня смотрел? Или он просто посмотрел, а пронзительность взора я сама домыслила? И на кой ляд, спрашивается?!

Мне бы бежать отсюда, пока не поздно, а я лезу за очередной сигаретой. И словно бы со стороны слышу, как хриплый женский голос требует у кого-то капучино. Мой голос, надо понимать. Мальчик с нагрудной этикеткой «Денис» кивает и удаляется.

А я воровато оглядываюсь по сторонам.

Вроде бы никто на меня не смотрит. Девицы у окна по-прежнему щебечут, как утренние пташки, рыжий нахал прячется за газетой, мальчик Денис будет выколачивать мой заказ из флегматичного бармена как минимум минут пять. Значит, можно положить сумку на колени, аккуратно извлечь походную колоду, подпольно, по-партизански, не привлекая стороннего внимания, ее под столом перетасовать и извлечь одну-единственную карту, которая должна – нет, просто обязана! – оказаться одним из Младших Арканов и сообщить мне, что все в порядке, никакая это не страсть с первого взгляда, не роковая связь судеб, не начало приятного приключения даже, а так – странный, но незначительный эпизод, о котором уже час спустя забуду. Вот доберусь до дома, усажу себя за перевод, прочитаю пару абзацев Штрауха, да и забуду. Все выкину на фиг из головы: она мне для дела нужна, а не глупости всякие думать...

Вообще-то, я для себя редко гадаю. Почти никогда. Ни табу, ни даже суеверий каких-нибудь дурацких на сей счет у меня нет, просто в глубине души я всегда полагала, что мантические практики – удел слабых. Изучать эти причудливые правила общения с собственным подсознанием, чтобы помогать другим людям, как минимум, интересно. Но вот личные проблемы улаживать – не царское это дело, – так я себя обычно уговариваю. А сегодня, гляди-ка, уже второй раз в колоду за советом полезла. Докатилась. Умница, нечего сказать.

А что делать? Такой уж нелепый выдался день.

Перемешивая карты, кое-как формулирую вопрос: «Что это за хмырь?» Понимаю, звучит не слишком романтично. Надо бы, воздев очи горе, спросить: «Что значит для меня эта встреча?» Или: «Стоит ли мне рассчитывать на продолжение знакомства?» Но так уж я устроена: если меня выбить из колеи, я начинаю хамить – не столько окружающим, сколько сама себе, в ходе внутреннего монолога. А сегодня я уже и забыть успела: какая она была, моя колея? Да и была ли?

Эх.

Какой вопрос, такой ответ. Из-под стола на меня глядит Пятнадцатый Аркан, Дьявол. Только что не хихикает, как это у них, опереточных Мефистофелей, заведено.

Нормально. Приехали.

Искушение, значит. Зависимость, страсть, эрос-танатос всяческий и прочие радости жизни в двуполом мире. Заранее содрогаюсь, хе-хе... Но, между прочим, если вспомнить кроулианскую традицию, чудище сие советует мне: «Не бойся искусителя», – да еще и сулит какие-то новые знания. Тайные, надо полагать.

Ага.

Могу себе представить.

Я, конечно, храбрюсь, ерничаю, сама перед собой выпендриваюсь, как школьница. Сказано же: «Не бойся искусителя», – вот и веселюсь. А в глупой голове моей крутится меж

тем невесть с какого потолка взятая цитата: «Правым глазом твори для себя сам, левым же принимай все, что создано иначе». Где я это выкопала? Кроули так писал или кто-то из интерпретаторов? Или вовсе сама выдумала?³

Пока я бегая с мухобойкой по своему внутреннему пространству, дабы отвадить незваных вербальных гостей, рыжий *искуситель* успевает покинуть насиженное место и устроиться за моим столиком, напротив. Да еще и под стол заглянул прежде, чем я спрятала карты.

Ну вот. Допрыгалась. Он меня застукал.

Кошмар.

Ничего страшного, но... Ох. Словом, кошмар.

– Может быть, вы и мне погадаете? – спрашивает. – А то сидим тут с вами, в гляделки играем. Взрослые ведь люди...

Последний его аргумент почему-то меня успокаивает. Действительно. Взрослые. Взрослые люди мы оба, не школьники, не студенты даже, так и нечего краснеть, прятать глаза и делать вид, будто не желаю знакомиться с посторонним мужчиной в кафе. Еще как желаю! Вот если бы не подошел он ко мне, что бы я делала? Сидела бы, кофе давилась до последнего рубля, не оставив даже заначки на такси? А если бы он стал собираться? Ясное дело, напялила бы дубленку, шваркнула бы деньги на блюдце, постаралась бы выскочить первой, пошла бы домой пешком, чтобы дать ему шанс по-

³ Вот-вот. Автор тоже в недоумении и никаких пояснений на сей счет дать не может.

следовать за мной, пройти полпути по моим следам и напугать до полусмерти в каком-нибудь темном переулке...

А если бы он пошел своей дорогой, я бы, видит бог, разревелась от разочарования, уткнувшись в Маринушкино плечо. И потом всю ночь хлюпала бы носом, забив на Штрауха и прочие радости гуманитарного труда. Потому что дура впечатлительная и еще потому что Пятнадцатый Аркан. Искушение. Не член собачий. Понимать надо.

Поэтому я прячу карты в сумку и говорю:

– Можно и погадать. Но не здесь. Обстановка не та. У меня есть свое рабочее место, в другом кафе. Правда, отсюда пешком почти час идти. Зато на такси за полтинник можно...

– У меня машина, – с готовностью отвечает рыжий. – Поехали на ваше рабочее место. Сколько лет хотел, чтобы мне на картах Таро настоящий специалист погадал, а не слушательница каких-нибудь заочных эзотерических курсов...

– А что, есть и такие? – изумляюсь.

– Есть многое на свете...

Улыбается, смущенно пожимает плечами, словно бы извиняясь за банальную цитату. Зря извиняется. До «друга Горацио» не добрался, вот и ладно, вот и молодец.

– Давайте я заплачу за ваш ужин, – вдруг предлагает он. – Ну, вместо платы за гадание. Такие вещи бесплатно не делают, правда?

– Правда, – соглашаюсь. И честно предупреждаю: – Толь-

ко учтите, вам это невыгодно. Я тут нажрала на полтора сеанса. А то и на все два.

– Будем считать, это надбавка за неурочное время, – решает он. – И за срочный вызов. И еще за что-нибудь. Например, за профессиональный риск. Вам ведь со мной в одном автомобиле по темному городу ехать.

Надо отдать должное, этот тип вполне способен рассмешить меня с полпинка. Ну ладно, не рассмешить, разублачать хотя бы, зато практически до ушей. Ценное качество. С другой стороны, нечему удивляться: Пятнадцатый Аркан, кроме всего прочего, еще и чувством юмора заведует – по крайней мере, в одной из знакомых мне традиций.

– В автомобиле по темному городу – это серьезно, – киваю. – Уговорили, платите. И поехали. А то Марина кафе закроет, придется вас черным ходом проводить, тогда еще неизвестно, кто больше испугается.

– Страсти какие, – уважительно заключает мой прекрасный принц. И поднимается, чтобы подать мне пятикилограммовую дубленку. Ничего, на пол ее не уронил, даже не поморщился. Настоящий герой.

Вместо белого коня в нашем распоряжении оказалась горчичного цвета «Нива».

– Цвет, – говорит рыжий, – обычно оказывается решающим аргументом в дружеском споре на тему: у кого самый дерьмовый автомобиль? Стоит взглянуть на цвет, и всем ясно, что я – победитель... Зато она ездит.

– В смысле – хорошо ездит? – переспрашиваю из вежливости.

– В смысле – просто ездит. Для отечественной модели семи лет от роду это огромное, неоценимое достоинство.

Все. Купил меня с потрохами, окончательно и бесповоротно. Мужчина, способный столь пренебрежительно говорить о своем автомобиле, представляется мне почти ангелом.

Пока машина греется, мы курим и молчим, вприглядку. Вполне, надо сказать, легкое вышло молчание. То есть не идеальное, конечно, но ничего, сойдет. Для людей, которые только-только познакомились, практически духовный подвиг – так молчать на протяжении трехсот полновесных секунд.

Потом-то все становится проще: я показываю путь, он ругает дорожные знаки, то и дело понуждающие нас сворачивать с прямой и отправляться в объезд.

Наконец я объявляю:

– Приехали.

– Надо же, – радуется мой клиент. – Никогда не был в этом переулке. Тут ведь где-то рядом Маяковка, да?... «Шипе-Тотек». Кафе «Шипе-Тотек» – надо же! Вот уж не думал, что хоть кто-то, кроме меня, знает это тайное имя бога!

– Марина – крупный специалист по индейским приколам, – объясняю. – Даже сына индейского себе завела...

– А значение этого имени она вам объясняла?

Пожимаю плечами. Она-то, может, и объясняла, да я вряд ли внимательно слушала. Разве все упомнишь?

– Наш вождь ободранный, – говорит рыжий.

– Что такое?!

Я правда не понимаю, к чему это он.

– Шипе-Тотек значит «наш вождь ободранный». Дословный перевод, если верить мифологическому словарю. Думаю, таким образом ваша Марина тонко намекает сведущему посетителю, что здесь его обдерут как липку. А несведущие пусть уйдут ободранными. Так им и надо.

– Ну и ну...

Я, признаться, озадачена. Вот уж не ожидала от Маринушки такого изощренного кокетства. «Обдерут как липку», – скажет тоже! Не те у нас цены, да и ассортимент наслаждений, честно говоря, не тот. Можно выпить кофе, можно коньяку, можно – кофе с коньяком. Это – ну, не все, конечно, но, так сказать, базовый пакет.

– Вас, – говорю, – не обдерут. – Вас уже ободрали. Вернее, вы самостоятельно ободрались, еще в «Кортиле» этом... Что за «Кортиле» такое, кстати? Что это слово означает? Не знаете?

– Наверное, знаю. «Дворик». Если, конечно, я ничего не перепутал.

– Странно. Закрытое помещение «двориком» называть... Есть в этом какая-то особая московская шиза.

– Ага, – радуется. – Это было первое, что я подумал, когда

увидел вывеску... Ну что, идем? Гадать-то вы мне будете?

– Буду, – вздыхаю. – И кофе с коньяком для храбрости, за счет заведения.

– Кофе мне, коньяк вам. Я все-таки за рулем.

– От чайной ложки, небось, ничего с вашим рулем не случится.

– От чайной, пожалуй.

– А больше за счет заведения вам никто и не даст, – смеюсь. – Пошли.

Стоянка IV

Знак – Телец.

Градусы – 8°34' 03" – 21°25' 43"

Названия европейские – Альдебаран, Альдеперам, Альделамен.

Названия арабские – аль-Дабаран – «Тыльный, Идущий Вслед».

Восходящие звезды – альфа Тельца, Альдебаран.

Магические действия – заговоры на злобу и ненависть.

Такая хорошая оказалась. Сама меня заметила, уставилась, глаз не отводила. Чутье называется. С таким чутьем оракулы без надобности; однако барышня полезла за гадальными картами. Я, впрочем, не сразу понял, зачем она копается в сумке. Тайком, под столом, как школьница на уроке. Я озадаченно наблюдал за ее действиями, прикрывшись газетой и наконец – скорее догадался, чем увидел. Незнакомка перетасовала под столом карты, заглянула украдкой, оценила неведомый результат гадания и призадумалась.

Крепко призадумалась.

Пока она думала, я вдруг понял, что вот он, шанс. Надо вставать, подходить, знакомиться. Сейчас или... Нет, вовсе не обязательно «сейчас или никогда», – почему же непременно «никогда»? Очень может быть, и полчаса спустя все у нас получится. Но упускать удобный момент в ожидании

ником не гарантированного следующего было бы глупо.

Я и не упустил.

Подошел к ней, ног под собой, честно говоря, не чуя. С посторонними девушками я не раз знакомился, не только в кафе, но и на улице, на бегу, было дело. Невелика премудрость, как показывает практика. А вот заманивать неопытного, не подозревающего о собственной силе *накха* в бездонный капкан чудес мне никогда прежде не доводилось. До сих пор я сам всегда был тем, кого заманивают. Добычей, не охотником.

Добычей-то быть легко. Живешь дурак дураком, судьбы под собой не чуя, и тут, откуда ни возьмись, Злой Магрибский Колдун. Это ты, Аладдин, сын Али аль-Маруфа? Не Аладдин? Ничего страшного, имя не имеет значения. А ну-ка давай, собирайся, пойдем в Пещеру Чудес. Время твое пришло.

И ведь не отвертись. Да и кто я такой, чтобы отказываться от чудесных даров во имя сохранения бытового душевного равновесия? Дурак дураком, да, но все же не настолько – с некоторых пор...

Я уселся напротив. Не удержался от искушения, заглянул быстренько под стол: что она там себе нагадала? Меня, как ни крути, ее дела теперь тоже касаются. Только они меня и касаются нынче вечером, если разобраться.

Она страшно смутилась, карты смешала и, не вынимая из-под стола, в сумку стала прятать. Но я все же успел заметить

пятнадцатый по счету Старший Аркан. «Дьявол». Это у нас, надо понимать, я, любимый.

Смешно получилось.

Действительно смешно.

Рот мой распахнулся совершенно самостоятельно, без хозяйской команды. Пролопотал нечто невразумительное:

– Может быть, вы и мне погадаете?..

Как ни странно, девочке такое начало беседы понравилось. Так часто бывает: думаешь, что спорол бестактность, а оказывается, нет, очень правильные слова сказались. Самое то.

– Можно и погадать, – соглашается без церемоний. – Но не здесь.

И я тут же получаю приглашение посетить еще какое-то волшебное заведение. Где у моей новой знакомой, оказывается, имеется так называемое «рабочее место».

Хорошо-то как.

Я и опомниться не успел, а она уже сидит в моей машине. Курит. Ну и я тоже закурил, за компанию. Какое никакое, а все же общее дело. Говорить нам, пока машина греется, вроде не о чем... Вернее, мне-то есть, о чем с ней говорить; ради этого разговора, собственно, и затеял всю канитель с гаданием, но...

Но.

Тут нужно быть очень, очень осторожным. Брякнуть ни с того, ни с сего: «Девочка-девочка, сейчас я научу тебя по-

жирать чужие судьбы», – любой дурак может. Ну и толку от такого заявления? Неотложку, небось, вызывать не победит, но вот отделаться от меня постарается незамедлительно. Я бы и сам на ее месте, пожалуй...

То-то и оно.

Пока мы курили, мотор разогрелся, и мы отправились в путь. Поплутали изрядно, это в центре Москвы обычная история: вроде, близко все, а ехать надо кругами, приближаясь к заветной цели, как хищник к добыче. Чтобы оставалась на месте, не улизнула, не укуталась туманом, не сгинула. А то знаем мы эти московские улицы-переулки-подворотни.

Ох уж эти мне подворотни...

Поездка наша завершилась неподалеку от метро «Маяковская». Никогда прежде не забредал в эти переулки. Ничего удивительного: моя Москва – лоскутное одеяло; некоторые фрагменты этого города исследованы мною более-менее тщательно, некоторые мне удавалось увидеть мельком, на бегу – вполне достаточно, чтобы убедиться в их существовании, но и только. А некоторые до сих пор зияют ослепительно-белыми пятнами прорех в моем образовании. Только на карте и видел.

А схемам-картинкам веры нет. Мало ли, что на бумаге нарисовано?..

Переулок, где я оказался по милости прекрасной незнакомки, как раз и располагался на месте одной из таких прорех. Оглядевшись по сторонам, я мысленно поставил пере-

улку высший балл. Хорошее местечко, захочешь – не придерешься. Узкая мостовая, узкие тротуары, зато древесные стволы радуют глаз толщиной. Не сикоморы, конечно, но по московским меркам вполне великаны. И фонари тут правильные: лиловые, неяркие, как раз в моем вкусе. Скучных реалистических подробностей, вроде ржавых контейнеров для бытового мусора, облупившейся штукатурки, окурков и прочей мелкой подножной дряни на тротуаре при таком свете не разглядишь, зато настроение создается самое что ни на есть готическое. Еще бы по черному коту на всякую крышу да парочку летучих мышей в небесную чернильницу окунуть... Да нет, и так неплохо.

Черный кот тут, впрочем, имелся. Всего один, зато крупный, мохнатый и, кажется, чрезвычайно серьезный экземпляр. Экземпляр сей чинно восседал у входа в заведение общественного питания, увенчанное вывеской «Шипе-Тотек».

Я глазам своим не поверил.

– Вот уж не думал, – говорю, – что хоть кто-то, кроме меня, знает это тайное имя бога!

– Марина – крупный специалист по индейским приколам, – объясняет моя спутница.

Марина, надо думать, основательница этого заведения. Есть еще, значит, братья по разуму в стольном граде Москве. Некоторые, вон, даже кафе открывают, оказывается. Приятный сюрприз. Пожить, что ли, несколько дней нормальной человеческой жизнью, если уж так все хорошо? Вдруг об-

наружится, что за время моего сугубо формального присутствия на обочине событий мир дивным образом переменится?

Впрочем, даже если и обнаружится – толку-то? Времени у меня, как ни крути, в обрез.

Ладно, проехали.

– Наш вождь ободранный! – говорю, не в силах скрыть младенческий свой восторг.

– Что такое?!

Она, кажется, не понимает. Хотя, казалось бы...

Приходится объяснять.

– Шипе-Тотек значит «наш вождь ободранный». Дословный перевод, если верить мифологическому словарю, – гляжу на ее вытянувшееся личико и из чистого ехидства прибавляю: – Думаю, таким образом ваша Марина тонко намекает сведущему посетителю, что здесь его обдерут как липку. А несведущие пусть уйдут ободранными. Так им и надо.

– Вас не обдерут, – утешает. – Вас уже ободрали. Вернее, вы самостоятельно ободрались, еще в «Кортиле» этом...

Тоже мне «ободрался». Ну да, оплатил ее ужин. Рублей на триста наела, всего-то. Ну, на триста с хвостиком.

Как, впрочем, и я.

И заказали мы, к слову сказать, одно и то же – не сговариваясь, сидя за разными столиками, не имея решительно никакой возможности подслушать чужой заказ. Суп из шампиньонов, яблочный штрудель, один капучино, два эспрес-

со. Я даже щеки наши на память сохранил. Как ни крути, а всякое совпадение – добрый знак. Особенно для того, кому кроме этого самого доброго знака и опереться-то не на что.

Как вот, например, мне.

– Ну что, идем? – спрашиваю. – Гадать-то вы мне будете?

– Буду, – вздыхает, как школьница в конце перемены.

И мы наконец переступаем порог заведения, посвященного памяти Нашего Ободранного Вождя.

Внутри, как я и предполагал, торжествует этнический стиль. Стены расписаны в духе кодексов Майя – явно старательным любителем, но все равно глаз радуется. А уж сердце как радуется, словами не сказать.

– Кто стены расписывал? – спрашиваю.

– Марина сама и расписывала. А братские молдавские штукатурки ей помогали. Словом и, что гораздо хуже, делом... Прошу прощения, секундочку, сейчас...

Она опрометью несется к стойке, вспрыгивает на высокий табурет, как ученая птица на жердочку, тычется носом в плечо высокой седовласой кельнерши. Та улыбается, строго и ласково, в лучших традициях Мэри Поппинс. Мама и дочка? Нет, вряд ли. Совсем не похожи.

– Маринушка, я все-таки пришла! Лучше поздно, чем никогда. И вот тебе за это новый клиент.

«Новый клиент» – это, надо понимать, я. Да уж, воистину сокровище. Непьющий и сытый хмырь. Да и кофе, по правде сказать, надувшийся за этот длинный, хлопотный день

впрок, на неделю вперед. Горе горькое, а не клиент...

Подхожу к стойке, улыбаюсь натянуто. Дескать, вот он я, любуйтесь. Седая Маринушка отвечает на мой хтонический оскал столь искренней улыбкой, что сердце мое тает и неспешно стекает к ее ногам. Если хозяйке заведения нужна эта неопрятная, мутная лужица – что ж, мне не жалко. Она заслужила.

– Для начала дай ему кофе. И коньяку добавь чуть-чуть, – распоряжается гадалка. – За наш... в смысле за мой счет. Он меня ужином накормил. Авансом, за гадание. Видишь, как я низко пала? Работаю за еду, как ярмарочная шарлатанка!

Они смеются; между делом Марина включает кофеварку. Гремит посудой, исподтишка разглядывает меня. Довольно критически, надо сказать, разглядывает. Не то чтобы неодобрительно, но настороженно. Решила, небось, что у ее подруги завелся новый ухажер. И гадание – только предлог продлить знакомство. Правильно, в общем, решила. Ну, почти правильно. Я – хуже, чем ухажер. Много, много хуже.

– Вам повезло, – наконец говорит она. – Варвара – очень хорошая гадалка. Действительно хорошая.

Вот, значит, как ее зовут. Варвара. Варя. Редкое имя. У меня, кажется, ни одной знакомой Вари до сих пор не было. Ну что ж, как говорится, с почином...

– Да, – киваю, – повезло. Это я уже понял. И с кафе вашим мне повезло. Знал бы, что есть в Москве кафе, названное в честь ободранного вождя, был бы вашим завсегдатаем, хоть

и неудобно сюда из Бабушкина ездить.

– Вы изучаете индейскую мифологию?

Марина расцвела. А я немедленно почувствовал себя самозванцем. Тоже мне, нашла специалиста...

– «Изучаю» – громко сказано. Просто читаю время от времени что под руку попадется. А попадается много занятного. Имена и прочие интимные подробности из жизни индейских богов – моя слабость. Одна только Уиштосиуатль чего стоит! Соленая богиня и покровительница распутства в одном лице... Моя любимица.

– А Тескатлипока! – подхватывает Марина. – «Дымящееся зеркало»! Ничего себе зеркальце: тело без головы, с дверцами в груди, – это у нас такой парадный облик, вечерний туалет. Чтобы, значит, не стыдно было людям показаться... Вам кофе, кстати, со сливками? Или просто с коньяком?

– Давайте со сливками. А коньяку чайную ложку, не больше. Просто для вкуса. Я за рулем.

– Руль – дело хорошее, – рассеянно соглашается Марина. – Особенно, если жить в Бабушкине... – вручает мне чашку и обращается к Варе: – Слушай, посетителей нет, и уже, наверное, не будет, все же понедельник. Я домой собиралась... Вы за полчаса успеете?

– Наверное, – отвечает гадалка. – Но тебе с нами сидеть вовсе не обязательно. Хочешь – иди, хоть сейчас. Я за тобой закрою и сигнализацию потом включу, как всегда.

– Как скажешь. А может быть, если так, сначала мне?..

Алешке весь день не могу дозвониться. Не нравится мне это.

– Ты же знаешь, ты у меня всегда первая в очереди, – улыбается Варя. – Пока человек кофе пьет и стены твои разглядывает, мы с тобой быстренько...

Уяснив, что Марине требуется сеанс прикладной футурологии, я тактично пересаживаюсь за столик у окна. Дескать, будьте покойны, ничего не вижу, ничего не слышу, так что и говорить не о чем.

Тем более, кофе тут неплохой, и стены действительно красивые. В такой обстановке и поскучать не грех.

Варя подходит ко мне, ставит на стол пепельницу. Это она молодец, о пепельнице я не подумал.

– Я недолго, – шепчет. – Просто Марина за сына волнуется... Вы не очень спешите?

– Я совсем не спешу. Могу ждать хоть до утра, если не выгонят.

– Никто вас отсюда не выгонит, – улыбается. – И вы это знаете.

Глаза наши встречаются. Так-так. Ну и дела. Кажется, Варя тоже решила, что я – «ухажер». И, насколько я разбираюсь в девичьих улыбках, ей такая версия по сердцу.

С одной стороны, оно, конечно, и неплохо. А с другой... Трудно нам будет к делу перейти, ежели так.

Но никто и не обещал, что будет легко. Мне, если разобратся, вообще никто никогда ничего не обещал.

Впрочем, не стоит забегать вперед, да еще и переучет гря-

дущих трудностей затевать на ночь глядя. Что будет, то и будет, а сейчас мое дело маленькое: сидеть тихонько за столом, курить, остывший кофе цедить сквозь зубы, стены разноцветные разглядывать. Ждать своего часа.

Я успел выкурить три сигареты и всласть налюбоваться настенными росписями, да пейзажами из кофейной гуши в собственной чашке. Но вот наконец Марина ушла куда-то в глубь помещения, одеваться, а Варя села рядом со мной.

– Не нравится мне это, – вздыхает. – Ох, не нравится...

– Все плохо? – спрашиваю. Не только из вежливости: Марина мне понравилась. Хорошо бы у нее все было в порядке. Был бы ангелом, с утра до ночи таких как она караулил бы.

– Да нет, не все, конечно. Алеша, думается мне, в полном порядке. По крайней мере, пока. А вот Маринушке светит Аркан «Башня». Нехорошо это. Не люблю я «Башню». Что-нибудь непременно медным тазом накроется...

– Ну, – говорю осторожно, – не всегда это плохо. Старое накрывается тазом, а потом в этом тазу вырастает новое. Прекрасное и удивительное, как анютины глазки... Как раз весна на носу.

– Это в теории, – снова вздыхает Варя. – Рождение нового – о да, на словах это звучит прекрасно. Заслушаешься. А на практике всякое рождение – это боль, мука, кровь и пот роженицы. Нам с вами, может быть, в охотку покряхтеть, а когда человеку за пятьдесят... Ну ее к чертям собачьим, эту «Башню»!.. Ладно, будем надеяться, просто табурет ка-

кой-нибудь сломается. Или кофеварка. Бывает и так. Неприятные пустяки вообще случаются куда чаще, чем глобальные катастрофы.

– Потому и живы мы все до сих пор, – киваю.

Марина выходит к нам в шубе, голова закутана какой-то сногшибательной индейской шалью. Стучит каблучками, победительно размахивает сумочкой.

– Дозвонилась я до этого засранца! – объявляет. – Варенька, ты была права, как всегда. Говорит, за город ездил, на переговоры, а там Билайн не берет. Сердится, что я волнуюсь. Говорит: «Мама, я у нас бессмертный, как Маклауд». Ну, ты же знаешь Алешу... В общем, я пошла, а ты, пожалуйста постарайся что-нибудь уронить и сломать. Чтобы покончить с этой ужасной «Башней», раз и навсегда.

– Попробую, – вздыхает Варя. – Но лучше ты сама что-то сломай. «Башня» все же твоя, а не моя.

– А имущество тут мое, – упрямится Марина. – Так что все в порядке.

На прощание мне достается нежный, почти влюбленный взгляд и приглашение заходить почаще.

Пожалуй.

Куда я от Шипе-Тотека денусь?

Мы с Варей остаемся вдвоем. Она запирает дверь, гасит свет, оставляет только одну лампу, над барной стойкой.

– Чтобы не ломились, – объясняет. – Табличку «Закрыто» почему-то никто никогда не видит, хоть метровыми буквами

пиши... Идите сюда, здесь уютно.

Правда уютно.

Но Варя вертит в руках колоду, недовольно хмурится.

– Что-то не так? – спрашиваю.

– Что-то не так, – соглашается. – Не пойму, что именно.

Другую колоду, что ли, взять? Или уйти в комнату? Что-то мне тут не сидится.

– Как скажете, – я с готовностью поднимаюсь.

– Пожалуй, пойдем отсюда, – решает она. – А то свет с улицы видно. И вообще...

Не вдаваясь в дальнейшие объяснения, открывает дверь, ведущую в служебные помещения. Включает свет в коротком пустом коридоре. Берет под мышку пакет сока и бутылку минеральной воды. Гасит лампу над стойкой.

– Идемте.

Отпирает угрожающего вида железную дверь в конце коридора. За дверью обнаруживается крошечная комнатка без окон. Зато с кондиционером, шумным, но работающим. Так пахнет, мерзавец, что я, пожалуй, даже куртку снимать не стану: холодно тут.

Деревянный пол, белые стены, в дальнем углу – полупустой стеллаж и собранный футон, накрытый черным пледом. В центре комнаты небольшой круглый стол и два кожаных кресла.

– Вот такой вот рабочий кабинет, – вздыхает Варя. – Но лучше, чем ничего. Гораздо лучше.

– Отличный кабинет, – говорю. – Здесь не только работать, здесь жить можно. Сам бы жил.

– А я и живу, – она пожимает плечами. – Незаметно, да? Просто одежда у меня в кладовой хранится. Чтобы клиентов колготками не распугать.

– Известное дело, – улыбаюсь невольно, – нет зверя страшнее, чем колготки.

Варя тоже улыбается. Напряжение, возникшее было после ухода Марины, кажется, рассеивается. Ну, будем надеяться. По крайней мере, она меня не боится. Вон, в комнату свою привела. Высшая степень доверия – по моим меркам. Ее мерок я пока не знаю. Но втайне предполагаю, что приглашение в кабинет – добрый знак.

Прежде, чем усесться в кресло, подхожу к стеллажу. Такая уж у меня манера знакомиться, с давних времен. Если есть возможность осмотреть чужой книжный шкаф, непременно это делаю. И в глубине души по-прежнему полагаю, что это и есть наилучший способ узнать человека. Глупо, конечно – при моих-то нынешних возможностях. Да и вообще глупо. Мало ли, кто что читает. Но вот, живучая оказалась привычка. Куда более живучая, чем прочие.

Книг на стеллаже совсем мало; добрая половина – на немецком языке. На русском лишь толстенный том Юнга, Тибетская Книга Мертвых, два разных издания Книги Перемен, очень старый, потрепанный скорее временем, чем небрежными читателями сборник персидских сказок, «Кни-

га Тота» Кроули да полное собрание Туве Янсон. Интересный набор. Есть о чем поразмыслить на досуге. Ну, Кроули и (возможно) Юнг – это у нас, надо понимать, методическая литература, профессиональная необходимость. Но все равно, интересный набор. Да еще и немецкие книги...⁴

– Я вообще-то переводами зарабатываю, – говорит Варя. – Технические лучше оплачиваются, но я стараюсь только за беллетристику браться. Люблю я это дело. Вот погадаю вам сейчас и засяду Штрауха переводить...

– Кого?!

Фамилия Михаэля прозвучала для меня как гром с ясного неба. Я-то, конечно, в курсе, что он раньше книжки писал. Собственно, о книжках я узнал задолго до нашего знакомства. Можно сказать, случайно. Одна белокурая валькирия сразила меня наповал роскошной цитатой, из которой я запомнил лишь наспех переведенное специально для меня причудливое слово «судьбокресток». *Schicksalkreuzung*, кажется так. Очень уж в масть мне оно тогда пришлось...

Знал я и то, что книги Михаэля на русский язык никто до сих пор не переводил. Изумлялся нерасторопности отечественных издателей: всякую мутотень тоннами на рынок выбрасывают, а о Михаэле Штраухе слыхом не слыхивали.

И вот, оказывается, спохватился кто-то. Славно.

⁴ «Книга Тота» – последний большой труд Алистера Кроули, посвященный картам Таро. Книга содержит подробные описания символизма каждой из 78 карт, весьма отличные от классических, общепринятых трактовок.

Славно-то оно славно, но чтобы Варя оказалась переводчицей Штрауха?! Девушка, которую мне предстоит посвятить в основы искусства хищения чужих судеб, переводит на русский язык книгу моего учителя. Забавно.

Впрочем, нет. Не «забавно». А очень и очень серьезно. Настолько серьезно, что кровь стынет в жилах, зато слюна закипает во рту. Ни с места двинуться, ни слова вымолвить.

– Михаэля Штрауха, он у нас еще никогда не издавался... Да что с вами? – тревожится Варя. – Что-то не так?

Мне удастся наконец подчинить себе взбунтовавшиеся было органы речи.

– Наоборот, – говорю. – Все настолько *так*, вы вообразить не можете. Михаэль Штраух мой... Ну да, можно сказать, «друг». Он... Впрочем, это отдельная история. Я вам расскажу, если захотите.

– Вы знакомы со Штраухом?!

Теперь приходит Варина очередь неметь и цепенеть. А также *бледнеть, шататься и хвататься за колонну* – давным-давно я подцепил этот дивный набор штампов у Александра Дюма и до сих пор с удовольствием извлекаю на свет божий всякий раз, когда требуется посмеяться над бурными переживаниями, чужими или собственными.

Чаще – второе. Я, в сущности, вполне великодушен.

– Не просто знаком, – отвечаю. – Нас связывает своего рода братство. Я с удовольствием расскажу вам эту историю. Но она, предупреждаю, очень длинная. И мне нужно

собраться с мыслями и понять, с чего начать... Давайте так: сперва вы мне все-таки погадаете, как обещали. А потом я к вашим услугам.

Я, честно говоря, в восторге. Теперь все будет гораздо легче. Михаэль, пройдоха, и тут ухитрился мне помочь. Вот уж сюрприз, так сюрприз!

– Господи, – говорит Варя, – конечно. Конечно, я вам погадаю. Я же обещала. Да-да-да. Просто вы меня совсем оγοрошили.

– А вы – меня. Сколько лет уже жду, что Михаэля кто-то переводить возьмется – и нате! Познакомился с переводчицей. Заодно и сам наконец почитаю, что он написал. Должно быть здорово...

– Так вы не читали его книг? – изумляется.

– Я знаю примерно полсотни немецких слов. Какое уж тут чтение...

– А как же вы с Михаэлем разговаривали? – недоверчиво хмурится она.

– Ясно как. По-английски. Не уверен, что уроженец Соединенного Королевства, случись ему присутствовать при наших беседах, понял бы хоть слово, но мы всегда оставались довольны ходом переговоров. Троечники, два сапога пара.

Варя смеется и усаживается наконец в кресло. Я устраиваюсь напротив.

– А что, собственно, вы хотите узнать? – спрашивает. –

Меня, честно говоря, не покидает ощущение, что это скорее вы мне гадать должны, а не я вам. Чует мое сердце, потом окажется, что вы этим делом чуть ли не с рождения промышляете и половину руководств для начинающих самолично написали, под разными псевдонимами. Скажете, не так?

Чутье у нее действительно из ряда вон. Другое дело, что точности формулировок одним чутьем не добьешься.

– На картах, – говорю, – я вообще не гадаю. Никогда не пробовал.

Молчит, хмурится. Явно ждет чего-то большего. *Неожиданное признание таинственного незнакомца* – вот что от меня сейчас требуется.

Ну, ладно. Мне не жалко.

– А вот другими способами – это пожалуйста, – объявляю, выдержав паузу. – Могу просто книжку для вас открыть, пальцем ткнуть наугад. Могу тень вашу булавкой уколоть и послушать, как она запоеет. Могу трещины на стенах поискать и расшифровать, если терпением запасетесь: дело долгое... Но насчет карт не переживайте, тут я полный профан. И мне действительно очень интересно.

– Но, получается, вы и так все про себя знаете, – обиженно говорит Варя. – Зачем еще и карты?..

– Себе гадать – нема дурных, – смеюсь. – Поначалу, конечно, каждое утро интересовался, как у меня дела. Задолбал Небесную Канцелярию расспросами. Но желание гадать для себя проходит очень быстро. Разве что в совсем уж экс-

тренных ситуациях...

Не объяснять же ей, что человеку, который отказался от сомнительного удовольствия прожить собственную жизнь в обмен на возможность таскать из синего пламени чужие каштаны, мантические практики ни к чему. Что было, что будет, чем сердце успокоится, – какая теперь, к шайтану, разница?!

Но Варя и так меня поняла. Закивала одобрительно.

– Я себе тоже очень редко гадаю. Почти никогда. А вот сегодня – целых два раза. Такой дурной день...

А сама улыбается, как сытая, обласканная кошка. Побольше бы, дескать, таких дурных дней.

Понимаю.

– Что же вы хотите выяснить? – после недолгой паузы спрашивает Варя. И тут же перебивает себя: – Впрочем, мне знать необязательно. Важно, чтобы вы сами для себя сформулировали вопрос. А мне только в самых общих чертах скажите, чтобы выбрать оптимальный расклад. Ну да что я вам объясняю...

– Сейчас сформулирую, – обещаю. – И вам скажу, у меня секретов нет. Я хотел узнать, зачем мы с вами встретились. Вот, собственно, и все. Предельно честно, правда? Вы себя о том же спросили, еще в кафе, знаю. То есть вам, думаю, просто стало интересно, кто я такой. И выпал Аркан «Дьявол». Двусмысленная ситуация, не спорю...

Она уже готова возмутиться: ну да, только что уверял ее,

что ни черта не смыслю в картах Таро – и на тебе. Того гляди, длинную лекцию о множестве разночтений Пятнадцатого Аркана заведу.

– Ну разумеется, я читал какие-то книжки про Таро, – говорю. – И кое-что из них уяснил – теоретически. Но гадать никогда не пробовал. Правда.

– Горе мне с вами, – ворчит Варя. – Чувствую себя как на экзамене. Но... Что ж, спасибо вам за такой вопрос. Мне и самой интересно: зачем? И многое другое мне интересно... Ладно, вот вам карты. Хотите, помешайте, хотите, просто в руках подержите. Это все равно.

Принимаю из ее рук колоду. Не Райдер, Кроули. Уважила.⁵

Карты большие, в моих руках едва помещаются. Как же

⁵ Речь идет о выборе между двумя самыми популярными в XX веке традициями Таро. К одной из них относится колода Райдера, разработанная английским оккультистом Артуром Эдвардом Уэйтом. Уэйт придумал собственную колоду карт Таро, которую под его руководством нарисовала художница Памела Коулман-Смит. Впервые изданная в декабре 1909 г. лондонским издательством «Райдер», эта колода впоследствии получила название «Райдер-Уэйт-Смит»; однако часто ее для краткости называют «колодой Райдера». Колода Кроули (официальное название «Таро Тота») создана несколькими десятилетиями позже. Ее нарисовала художница Фрида Харрис под личным руководством Алистера Кроули. Каждая из описанных традиций имеет свои достоинства; однако для правильного понимания реакции персонажа («уважила») следует знать, что многие профессиональные тарологи предпочитают пользоваться колодой Райдера для решения повседневных, ординарных проблем, но в исключительных случаях прибегают к помощи колоды Кроули, втайне считая ее не просто системой гадания, но и могущественным магическим инструментом, способным кардинально переменить ход событий.

она-то их тасует? Впрочем, пальцы у нее длинные, справляется, небось...

Несколько секунд спустя убеждаюсь: да, еще как справляется! Словно бы специально для этих ловких рук делали колоду. Загляденье.

В тот момент, когда первая карта опускается на стол рубашкой вверх, раздается оглушительный грохот, и я с изумлением наблюдаю, как по белоснежной стене разбегаются трещины. Они словно просачиваются из-под металлической двери, текут, как вода из опрокинутого кувшина. Потом свет в комнате гаснет.

– Зажигалку! – требует Варя. – Была же!..

Чиркаю зажигалкой. При неверном свете пляшущего огонька вижу, как руки сметают со стола карты. Потом по комнате забегала проворная тень. Наконец раскаленный металл обжег мне палец, и снова сгустилась тьма. Все же я не спартанский мальчик, увы.

– Держи!

В руках у меня оказывается небольшой, довольно тяжелый предмет. Кажется, ноутбук. На шее повисает холодный шнур – блок питания, так, что ли? Ладно, потом разберемся.

– Пошли отсюда, быстро! – командует Варя. – Есть черный ход. Выйдем на улицу, поглядим снаружи, что происходит. По-моему, нас грохнули...

– В смысле? – переспрашиваю, ныряя за нею во тьму коридора.

Впрочем, не так уж тут темно. Там, откуда мы пришли, в зале кафе, занялся пожар. Сквозь дверные щели пробивается багряно-оранжевый свет. Плохо дело, кажется.

– В смысле – кафе Маринкино взорвали, – поясняет Воря. – По-моему... Ты ничего в комнате не забыл? А то потом не вернешься. Горит же все!

– Да нет, я раздеться не успел, – говорю. И спохватываюсь: – А ты? У тебя же там, наверное, деньги, документы...

Грохочет щеколда, и мои пылающие щеки встречаются с влажным мартовским ветром. Мы уже во дворе.

– Деньги и документы всегда при мне, в сумке. И карты я забрала. И книжку Штрауха. И ноутбук – у тебя, да?

– И еще шнур какой-то на шее...

– Значит, все в порядке, – заключает она. – Идем скорее. Посмотрим, как там твоя машина. Только бы не...

Машина моя в полном порядке. Ничего удивительного: припарковаться мне удалось метров за двадцать от входа. Во всех московских переулках по ночам аншлаг: места во дворах не хватает даже половине автовладельцев. Впрочем, те машины, что стояли ближе к кафе, насколько я мог оценить ситуацию, тоже уцелели. Зато «Шипе-Тотек» пылает. Великолепное зрелище, но Нерон из меня хреновый: меньше всего на свете я сейчас готов воспевать эту неземную красоту. Мне бы понять, что случилось, а потом оказаться где-нибудь на другом краю света. Или в обратном порядке. В обратном порядке, строго говоря, даже лучше.

Тут мы с Варей единоклюбы.

— Поехали, — требует она. — Все равно куда, лишь бы отсюда. И... да, мне надо позвонить. Марине позвонить, что ли... Или сразу Алексею? Нет. Марине. Откуда сейчас позвонить можно? Таксофоны где-то ведь есть?..

— Да ну, таксофоны... Звони.

Одной рукой завожу машину, другой протягиваю ей телефон.

— Хорошо, что у тебя сотовый, — кивает Варя. — А меня всегда жаба давила его заводить, даже когда лишние деньги были... Какая тут система? Просто цифры набирать, или сначала кнопку нажать какую-то?.. И поехали, поехали отсюда, скорее. Сейчас какие-нибудь менты с пожарными примчатся, решат, что мы с тобой и есть самые страшные злодеи-поджигатели. Им так удобнее. Всем так удобнее, а у меня еще и регистрации московской нет... Поехали!

— Сначала набираешь номер, потом нажимаешь кнопку с зеленой точкой, — говорю, трогаясь с места.

— Ясно.

— Марина! — кричит Варя в трубку. — Маринушка! Кафе взорвали... Да, только что. Я в порядке... Нет, грохнуло в зале, а мы были в комнате... Да, в машине, едем уже... Не знаю куда. Куда-нибудь подальше... Да, забрала... Нет, не вызывала никого, я же... Ага. Где-нибудь, найду, сейчас разберусь... Да, конечно!

Поворачивается ко мне.

– Какой у тебя номер? Чтобы Марина могла мне перезвонить...

Диктую цифры, она повторяет. Невидимая Марина на другом конце несуществующего провода, надо понимать, их записывает. Поразительно все-таки: взрыв, пожар, катастрофа, а три взрослых человека больше всего на свете озабочены необходимостью записать некую последовательность чисел.

Бред собачий. Но так почти всегда бывает.

– Она сейчас позвонит Леше – ну, сыну, – объясняет Варя, возвращая мне трубку. – Потом перезвонит, может, я к ней поеду... Нет, это плохо. Не надо ей со мной сейчас возиться. Если это Лешины проблемы, Маринушке лучше бы совсем потеряться, на какое-то время...

– Лешины проблемы? – переспрашиваю.

– Сын Маринкин какой-то бизнес-фигней мается, – объясняет Варя. – Мутная рыба. Кафе открыто на его деньги. А нравы у них там понятно какие... Я потому и решила сбежать. Не хочу связываться... А уж тебе с этой дрянью связываться совсем ни к чему. Влип ты со мной!

– Ну, зато на «ты» перешли, – замечаю меланхолично. – А так сколько бы еще церемонились...

Варя начинает смеяться. Тоненький, с привзвизгом истерического смех – но все лучше, чем слезы. А какая-то разрядка ей сейчас нужна. Позарез.

Да и мне, честно говоря, не помешала бы разрядка. Но я

ладно, я перетопчусь до лучших времен.

Смех, впрочем, почти сразу переходит в тихий, но горестный рев.

– Господи, – бормочет Варя. – Господи, господи, да что же это?.. Вот она Маринкина «Башня»! Вот она... Но зачем это все?.. Пиздец какой-то сраный... Зима, ночь на дворе, мне работать надо, ничего не понимаю, зачем?!

Но она быстро берет себя в руки. В рекордно короткие сроки. Ее минута слабости длилась секунд сорок, не больше.

– Мы сейчас где? – спрашивает, шмыгая носом.

– На Садовом, не узнаешь? – я стараюсь говорить бодро и оптимистично, но фальшивлю, как малахольный педиатр в разгар эпидемии дифтерита. – Сейчас будем сворачивать на Проспект Мира. Поедем ко мне.

– Гадать? – она снова начинает смеяться. – Ну да, я же так и не отработала свой ужин...

– Чай пить, разговоры разговаривать. Про Михэаля тебе расскажу, если еще интересно... А вот гаданий с меня на сегодня хватит. Да и с тебя, пожалуй. Потом как-нибудь.

– Может быть, Марина позвонит, – нерешительно возражает Варя. – Я у нее могу переночевать. Или у Наташки, она на Менделеевской живет...

– Ты сейчас заснешь? – спрашиваю.

– Ну, вот прямо сейчас – вряд ли...

– И я – вряд ли. Поэтому поехали пить чай и успокаивать-

ся. Захочешь, я потом тебя куда-нибудь отвезу. Мне не трудно, я ночная птица. После полуночи только и просыпаюсь толком.

– Я тоже сова, – откликается Варя. – Ложусь под утро, почти всегда...

– Вот и славно, – говорю. И, помолчав, добавляю: – Я, стыдно сказать, совсем не маньяк. Более безопасного занятия, чем отправиться ночью ко мне в гости, выдумать невозможно.

– А я, честно говоря, и не сомневаюсь, – она пожимает плечами. – Что-что, а опасность я всегда жопой чувую. Помнишь, я же не смогла в зале кафе сидеть? Я ведь не собиралась тебя в свою комнату приглашать. Неловко как-то было... Но почувствовала, что в зале сидеть нельзя, и все тут.

– Хорошо, что ты себе веришь, – вздыхаю. – Я вот много лет себе верить учился; кажется, так и не выучился толком...

Варя улыбается, но лицо ее тут же снова искажается страдальческой гримасой.

– Ч-ч-ч-черт! У меня там книжки остались, – шмыгает носом. – И джинсы новые, и куртка, и три пары туфель. Ерунда, а так жалко! Стыдно, да-а-а-а?

На этом месте она принимается реветь в три ручья.

– Суки, – твердит сквозь слезы. – Суки поганые, твари! Ну кому Маринка-то помешала? Так ведь хорошо нам было, и никому не было плохо, и такое кафе! К Лешке в офис сунуться побоялись, так нам все испоганить надо было... Нена-

вижу, суки вонючие, ненавижу!

Я ее не трогаю. Пусть поревет, покричит, так даже лучше. Сам на ее месте с удовольствием поревел бы. Уж я-то знаю цену ее потерям. Книжки и обувь – то небольшое, что до сих пор привязывает меня к реальности. Мог бы, на тот свет за собой уволок бы эти сокровища, ей-богу!

Телефон зазвонил, когда мы подъезжали к ВДНХ. Варя торопливо вытерла слезы и потянулась за трубкой. Голос ее звучал на удивление спокойно.

– Маринушка, – говорит, – ты не переживай за меня. Я выкручусь. Уже, считай, выкрутилась. Ты мне лучше скажи, что Леша говорит?.. Ага. Уже туда поехал? Разберется? Лучше прежнего?.. Ну, будем надеяться... Между прочим, правильно делает, что увозит. Я бы на его месте тебя не то что на дачу, на край света увезла... Нет-нет, Маринушка, мне в Москве надо быть. Мне книжку сдавать в пятницу, ты что, какие дачи?!.. Компьютер, да, унесла. Первое, что схватила... Ничего, найду. Ну да, пару дней у Натальи... Нет, она же без телефона. Вот так и живет, с пейджером, а что делать?.. Нет, сейчас не помню... А ты просто по этому телефону позвони, мне все передадут. Что?.. Сейчас.

Оборачивается ко мне, смеется тихо, прикрывая рот рукой.

– Марина спрашивает, как тебя зовут. А я понятия не имею.

Действительно смешно. А самое смешное – это мое заме-

шательство. Всегда теряюсь в подобных случаях: какое имя называть?

В порядке исключения решил в кои-то веки сказать правду.

– Максим, – отвечаю.

Как говорится, заодно и познакомились.

Стоянка V

Знак – Телец – Близнецы.

Градусы – $21^{\circ}25'44''$ Тельца – $4^{\circ}17'08''$ Близнецов.

Названия европейские – Алюксер, Алингез, Альшатая, Альбашая, Альхалая.

Названия арабские – аль-Хака – «Завиток».

Восходящие звезды – звезды в ареале лямбды Ориона – в спиралевидной форме.

Магические действия – заговоры на дружбу; благоприятное время, чтобы способствовать таланту.

Автопилот мой, надо сказать, молодец.

Пока я беззвучно визжала от ужаса, он схватил в охапку все самое необходимое, включая оригинальное издание Штрауха и его рыжего приятеля, и спешно эвакуировался из зоны бедствия в автомобиле товарища по несчастью, можно сказать, почти сообщника. Наш брат, пассивный нелегал *без московской регистрации*, почти не боится смерти, зато цепенеет при мысли о возможном появлении потенциальных спасителей в милицейских погонах. Спасибо, не надо нас защищать. Сами как-нибудь справимся. Вы только не лезьте.

Позабывшись об отступлении, мой автопилот позволил Марине, доложил обстановку, выразил соболезнования. И наотрез отказался от ее гостеприимства. Это он, надо понимать, обо мне заботился. Если уж выпал такой случай

толкнуть меня, дуру неповоротливую, в объятия прекрасного незнакомца, грех его упускать.

Насчет объятий, понятно, не моя была идея. Автопилотов. С него и спрос.

Потом мы с автопилотом объединились и немножко поревели, от избытка чувств. Все же не каждый день взрывная волна выгоняет нас из уютных убежищ. Откровенно говоря, первый раз с нами такое. Потому и похныкали, совсем чуть-чуть, скорее для проформы. Автопилот решил, что так положено.

Я уже, можно сказать, успокоилась, начала наслаждаться поездкой и даже что-то щебетать, но вдруг вспомнила о прекрасных вещах *второй необходимости*: книжках, туфельках, курточке из цветных лоскутов кожи, замши и джинсы, специально для грядущих весенних теплых ветров припасенной, и разревелась еще раз, теперь уж по-настоящему. Потому что правда очень жалко.

Автопилот устыдился моего воя и сдал полномочия. Сказал: «Дальше сама выкручивайся, как хочешь». Бросил меня в чужой машине, наедине со свидетелем моего позора и его мяукающим телефоном.

Я вспомнила: Марина обещала нам перезвонить, как только поймет, что происходит и на каком мы обе теперь свете. Надо думать, уже поняла. Она вообще сообразительная, на лету хватает...

Поскольку автопилот меня предал, пришлось брать дела

в собственные руки. Для начала я взяла в эти самые руки телефонную трубку: ее владелец даже не повернулся на писк. Наверное, тоже понял, что это мне звонят. Или просто за рулем разговаривать неудобно? Наверное, неудобно. Я, вон, без всякого руля слов нужных найти не могу.

Да и что сказать человеку, у которого полчаса назад взлетело на воздух любимое дело жизни, недавнее прошлое, прекрасное настоящее и неспешно, с любовью вымечтанное светлое будущее? По сравнению с этим моя грядущая бездомность – сущие пустяки. Тем более что Наташка меня на недельку точно пустит. И даже обрадуется, что все так сложилось: давно меня к себе на постой зазывала. Очень уж не любит одна жить.

Проблема в том, что я-то как раз люблю жить одна. Ну да ладно, чего уж теперь. Недельку потерплю, а там... А там что-нибудь, да случится. Всегда что-нибудь случается.

Но Наташке будем звонить позже. Сначала надо с Маринушкой разобраться. Бедная моя...

Все как всегда: я переживаю за Маринку, она – за меня. Мы идеальная пара кумушек, две непутевые истерички, озабоченные чужим душевным благополучием куда больше, чем собственными житейскими проблемами.

– Маринушка, – говорю, – ты не переживай за меня. Я выкручусь. Уже, считай, выкрутилась. Ты мне лучше скажи, что Леша говорит?..

Слушаю ее пересказ вполуха. Леша, понятно, много че-

го говорит. Материт своих врагов-приятелей поименно да пальцы гнет. Дескать, щас все у меня попляшут. А я их тем временем в бараний рог, все дела... Где заканчиваются понты Алексея Хуановича и начинается полезная информация, сам черт не разберет. Ну и ладно, не моя печаль. Моя печаль, чтобы нас, единственных свидетелей и без пяти минут жертв, по ментам не затаскали. Ну, вроде не затаскают, это Маринке твердо пообещали.

Вот и славно.

Марина тем временем пакует чемоданы. Ей велено собираться: сейчас приедет Лешин шофер, повезет ее куда-то, за сотню километров от Москвы, в загородный дом. Марина там не была никогда, дом новый совсем, только-только достроен, еще не обжит толком. Но, говорит, три этажа, сауна в подвале, круче не бывает. Закачаешься.

Качаться Марина предлагает совместно. Такого шикарного убежища еще ни одной жертве теракта, надо думать, не предоставляли. Звучит заманчиво, но...

Но.

Как я в пятницу буду в Москву добираться, за сотню-то километров? То-то же. А мне, между прочим, работу сдавать, обещано уже, не отвертись. Да и на нынешнюю ночь у меня, честно говоря, немного другие планы. Я твердо намерена пить чай в Бабушкине с загадочным незнакомцем, если уж так все сложилось. Потому что если не поехать сейчас к нему в гости, то...

...то совершенно непонятно, зачем был нужен весь этот смертоубийственный фейерверк. Никакой иной пользы я в нем не нахожу.

Поэтому я отказываюсь от фантастического предложения. О намеченном чаепитии молчу, ссылаюсь исключительно на дела. Марина, впрочем, знает, как много значит для меня этот перевод. Я ей все уши прожужжала, отрывки зачитывала вслух. Так что она и не уговаривает особо. Все понимает, ага.

Ох, хорошо, что *не все!*..

Еще один непростой вопрос: как меня найти? Я, конечно, говорю, что поселюсь у Наташки (и сама в это более-менее верю). Они с Мариной знакомы; кажется, даже понравились друг дружке. Но диктовать Наташин телефон я почему-то не захотела. Соврала зачем-то: дескать, нет там никакого телефона. Есть пейджер; номера не помню. Как со мной связаться? Хороший вопрос... Ну вот, например, по этому же телефону. Товарищ по несчастью побудет нашим связным, все мне передаст, если уж так получилось.

Украдкой кошусь на своего спутника: как ему такой поворот? Кажется, доволен. Я бы даже сказала, ликует. Могу его понять. Я и сама практически ликую, хотя куртку и книжки все же жалко до слез. О, да, кстати, о слезах.

– Маринушка, – прошу, – скажи Леше или кто там будет разбираться с кафе, пусть мои книжки и одежду заберут, если не сгорело. Им – мусор, а мне – ценное имущество.

– Там двери железные, – утешает меня Марина. – И в твоей комнате, и в кладовой. Не сгорело ничего, думаю... Конечно, я Леше скажу. Все будет хорошо. Он же знает, что ты – мой второй ребенок...

«Второй ребенок». Надо же. Никогда не думала, что она ко мне так относится. Нет, ну понятно, сейчас у нас бурные эмоции, общее горе, общая радость: все-таки уцелели обе, почти чудом. Рвани оно на полчаса раньше и... Ох, нет.

Но мы живы, здоровы, и Маринушка называет меня своим «вторым ребенком». А мне приятно, черт побери! И плевать, что все это просто эмоции.

– Как его хоть зовут-то, твоего «связного»? – вдруг спрашивает Марина.

Вот это да. А я и не знаю.

Смешно. Кому сказать, не поверит.

Прикрываю трубку рукой, спрашиваю его шепотом. Молчит, думает. Вспоминает, что ли? Или сочиняет наспех?

Какая, впрочем, разница. Нет, пожалуй, информации менее важной, чем имя человеческое. Цвет волос, и тот может больше рассказать о своем обладателе.

Наконец рыжий принимает решение. Говорит, что его зовут Максим. Будем считать, так оно и есть. Не паспорт же у него требовать, в самом деле...

Получив это сокровенное знание, Марина спешно прощается. Говорит, ей надо собираться. Там, на этой трехэтажной даче даже посуды пока нет. Сауна есть, а, скажем, чайника

или хоть кружки какой-нибудь нет. Об одеялах, да подушках и говорить нечего. Эх, ничего-то они в жизни не понимают, эти «новые русские». Даже те из них, которые, теоретически говоря, древние индейские...

– Мы, кстати, уже почти приехали, – объявляет Максим, принимая из моих рук почти раскаленную трубку.

Вид у него при этом вполне виноватый. Словно бы признает за собой некий злодейский умысел. Дескать, мог бы по-дальше поселиться – вот, к примеру, как некоторые буржуи, в сотне километров от Москвы, чтобы поездка наша длилась и длилась, не завершалась никогда.

Как будто прочитав мои мысли, объясняет:

– Не люблю, когда что-то заканчивается. Даже домой при-езжать не люблю. То есть дома-то хорошо, но вот говорить себе: «Приехали», останавливаться, выходить из машины – ох, это не по мне!.. Не понимаешь, да?

Честно говоря, действительно не понимаю. Но молчу, слушаю. Не перебиваю.

– Для меня, – говорит, – всякая завершенная история – история о смерти, рассказанная смертным повествователем смертному слушателю. Мой внутренний ребенок очень этого дела боится, но верит, что бывают иные какие-то варианты, и вечно нудит: «А что было дальше?» – в надежде, что «дальше» было хоть что-то, кроме тишины...

Теперь, кажется, понимаю. Но его несет.

– В момент завершения всякого дела, даже такого пустя-

кового, как поездка домой, я остро чувствую собственную смертность. Строго говоря, я встречаюсь со своей смертью всякий раз, когда паркуюсь у подъезда. Зато незавершенность представляется моему воображению чуть ли не пилулей бессмертия из кладовых Лунного Зайца. В моей идеальной истории путник выходит из пункта А, но в пункте Б его ждут напрасно: этому счастливчику суждено увязнуть в какой-то собственной, персональной бесконечности; понравится ему это или нет – другой вопрос. А вот мне – скорее да, чем нет.

– А ты пробовал? – спрашиваю.

– Что? – вздрагивает.

Ну вот, проснулся. Вспомнил наконец обо мне. Надеюсь, хоть знакомиться по новой не придется?

– Ты так говоришь, словно уже пробовал застрять в этой самой бесконечности, – поясняю.

Ухмыляется.

– Есть такое дело. Пробовал. И не раз. Но это отдельная история, специально для твоих ушей. Очень, очень длинная.

– Я так понимаю, у тебя коротких историй вообще нет. Парочка просто длинных, а все остальные – бесконечные. Если я тебя правильно поняла.

– Ты, – говорит, – удивительно правильно меня поняла. Так правильно, что слов нет. Единственный нюанс: *все* мои истории бесконечные, даже те которые кажутся просто длинными. Просто я изобрел отличный способ их рассказывать.

Нужно начать с начала, пропустить середину и наскоро придумать какой-нибудь хороший конец.

– Чтобы вышла волшебная сказка? – спрашиваю, выходя из машины. И замираю, жадно вдыхая теплый ветер, приправленный сосновым ароматом. Пахнет здесь, как в пригороде. Хорошее, оказывается, место это Бабушкино. А я тут и не была никогда до сих пор...

Он молчит, поднимает стекло, запирает дверцы, достает из багажника здоровенную спортивную сумку, копается в карманах, извлекает связку ключей. Хлопочет. И только благополучно завершив акт беспрецедентного насилия над кодовым замком и впустив меня в теплый, вонючий подъезд, соглашается.

– Ну да. Я и есть сказочник. Практически Оле Лукойе.

– Который из них? Первый или второй?

Хмурится, потом вспоминает, о чем речь.

– От второго, – шепчет доверительно, – я и сам прячусь.

Что тут скажешь?

Молчим. Топаем пешком на пятый этаж. Известное дело, хрущевка, без лифта. Я сама в такой выросла, хоть и за добрую тысячу километров отсюда. Наконец, он отпирает дверь, первым делом включает свет в коридоре и пропускает меня вперед. На меня тут же падает здоровенный черный зонт. Достойное завершение беседы, ничего не скажешь.

– Откуда он тут? Я же убирал в шкаф... Ну да, я великий владелец великого бардака, – смущенно смеется хозяин

дома. — Прости. Будем надеяться, больше ничего на тебя не упадет.

— Да уж, — говорю жалобно. — Хватит на сегодня, пожалуйста...

Дома у него, надо сказать, хорошо.

То есть невооруженным глазом видно, что квартира съемная. Ну не мог этот человек по доброй воле приволочь в дом столь жуткие шкафы: тот, что в коридоре, поменьше, и второй, надутый, бесформенный монстр, загрозоздивший половину комнаты. Но даже хозяйская мебель почти не портит впечатление от жилья. Соломенные жалюзи на окнах и такие же циновки на полу. Повсюду валяются мелкие, пестрые подушки. А возможно, не просто валяются, а ползают по дому, как домашние зверьки, этакie мягкие черепашки. Где упал, там и спи, а подушки сами вокруг соберутся. Удобно. Впрочем, спать можно и на диване: подушек и там хватает. Другой мебели в комнате нет.

Зато на кухне оборудовано отличное рабочее место фрилансера. Уж я-то могу оценить. Узкая, но длинная тахта позволяет засыпать, не удаляясь от станка. На столе живет монитор, под столом мурлычет системный блок, на холодильнике обосновался принтер. Зато сканер, кажется, выполняет функцию подноса: на нем стоят пустая чашка и заварочный чайник.

Вполне уютный, милый моему сердцу бардак. Сама бы такой с радостью развела. И разводила ведь неоднократно, по-

ка не пришлось поселиться, с позволения сказать, в общественной приемной, да будет ей земля пухом.

Эх!

– Ты, – говорит повелитель бардака, – пока броди по дому, ищи свое место. Где понравится, там и устраивайся, хоть в ванной. А я приготовлю чай, и принесу его, куда пожелаешь... Или все-таки кофе?

– Наверное, чай, – мычу нерешительно. – Для начала.

– «Для начала» – это правильно, – радуется. – Настоящая сова начинает глушить кофе только после полуночи. А сейчас всего половина двенадцатого.

– Ох, ни фиги себе! – изумляюсь. – Быстро же мы все успели!

– Поужинать, познакомиться, покататься, взорваться и удрать с места происшествия, – подхватывает. – Долго ли умеючи?

Действительно.

Побродив по комнате, возвращаюсь на кухню. В комнате все же чересчур интимная обстановка. Я, честно говоря, совсем не против интимной обстановки, но...

Лучше пока посидеть на кухне. А то как-то слишком уж интенсивно прожила я последние четыре часа. Надо бы передохнуть.

А передохнуть, как показывает опыт, только на кухне и можно.

– Пока мое место будет тут, – говорю, с ногами забираясь

на тахту.

И запоздало удивляюсь, осознав, что присутствие этого чужого, незнакомого, да еще и чертовски привлекательного мужика нимало меня не смущает. Напротив, успокаивает. Хочется быть к нему поближе, потому и на кухню вернулась так поспешно.

Что со мной происходит? У любви, с какого бы взгляда она ни наступала, насколько мне известно, совсем иной ананез. И если поначалу мое состояние более-менее походило на обычную бытовую влюбленность, то теперь... Черт знает что со мной творится. Или это нормальная реакция организма на давешний шок? Или даже новый условный рефлекс? Нет, а вдруг? Этот человек был рядом, когда я чудом избежала опасности, вышла сухой из воды, и теперь мой организм реагирует на него, как на спасательный жилет, который всегда должен быть под рукой. А что, очень даже возможно.

Ужас, если так. Ужас-ужас-ужас. Куда же я теперь без него?

Но сейчас мне все равно хорошо. А «потом», будем надеяться, вовсе не наступит. Зачем нам какое-то дурацкое «потом»?

«Жилет» мой тем временем льет в чайник кипяток, и кухня наполняется запахом бергамота.

– Хороший у тебя чай какой, – вздыхаю.

– Да, ничего себе, – кивает. – У меня еще и печенье есть. И вообще до фига всякого разного прекрасного, – любов-

но пинает ногой туго набитую спортивную сумку. – Сегодня воистину удивительный день: прежде, чем встретить тебя, я посетил супермаркет «Восьмой Континент». Или все-таки «седьмой»?.. Я там был второй раз в жизни, кажется. И накупил всякой ерунды в красивых упаковках. Вот это, я понимаю, сила предвидения! А ведь могли бы сейчас мерзлый мышинный корм на балконе грызть...

– А что, – интересуюсь, – бывает специальный мышинный корм? Типа «Вискас», только для мышек?

– «Мышинный корм», – смеется, – это все, чем не брезгуют мыши. Чаще всего – просто крошки от позавчерашнего ужина. Но разные бывают варианты...

Он кутает чайник полотенцем и принимается метать на стол добычу. Какие-то пакеты, впрочем, отправляются в холодильник, доселе пустой и даже, кажется, пыльный. Наконец, покончив с хлопотами, достает две большие чашки цвета цитрусов: лимонно-желтую и апельсиново-оранжевую. Разливает чай.

– Кипятком разбавлять? – спрашивает.

Мотаю головой.

– Чай свежий, только что заваренный да водой разбавлять, – ворчу. – Вот еще!

– Согласен. Но здесь, в Москве, почти все чай разбавляют; гостя не спрашивают даже. Фигак полную чашку воды на чайную ложку чая – набулькивайся, гость дорогой! Я долго привыкнуть не мог к такому издевательству. Потом притер-

пелся как-то. Но уж дома-то...

– А ты тоже не москвич? – спрашиваю.

– Да ну, какое там... Ты их вообще видела, москвичей-то? Нет их в природе. Москва есть, а москвичей нет. Каждый откуда-нибудь, да приехал.

– Ну, сколько-то их есть. Та же Марина, например.

– Правда? – удивляется. – Москвичка? Что, прямо вот так и родилась в самой Москве? Не учиться приехала?.. Ну, значит, встречается еще редкий зверь коренной москвич в дикой природе. Кто бы мог подумать...

Отдает мне чашку, распечатывает круглую жестяную коробку с печеньем. Красота какая! Печенюшки там все разные, даже и не перепробуешь, наверное. Но я буду стараться.

Пока я вожусь с печеньем, хозяин дома помалкивает. Барабанит пальцами по столу, курит, думу думает. Молчание нарушается лишь моим безмятежным хрустом. Наконец, не выдержав тишины, прошу:

– Может, расскажешь про Михаэля, пока мы чай пьем? Если уж книжку его переводить мне сегодня не светит...

– Расскажу, – кивает. Хмурится почему-то. – Но сначала ответь мне на один вопрос...

И снова умолкает. Берется за следующую сигарету. Не то нервничает, не то просто слов нужных найти не может.

Немудрено. Вопрос его поверг меня в оцепенение. Чего угодно ожидала, только не этого.

– Скажи, – говорит, – с тобой, случайно, не бывает так,

что?.. Ну, вот, к примеру, заходишь в комнату, где сидит, скажем, человек с больным зубом. Или головой, или ногой – не имеет значения. И у тебя тут же начинает болеть зуб, голова, нога – пока не выйдешь из комнаты... Ясно. Можешь не отвечать. По твоему лицу вижу, бывает.

– Сегодня, – говорю наконец. – Только сегодня. До сих пор, кажется, ни разу. Или я просто внимания не обращала?..

– Ты только сегодня заметила? – оживляется. – Вот это да! Выходит, не один я к свиданию подготовился...

Он смеется, но почти сразу же мрачнеет.

– Прости, – говорит. – Тебе, судя по всему, не до шуток, если сегодня все это случилось в первый раз. Как именно, если не секрет?

Какие уж тут секреты. Полдня ведь маялась, страдала, что некому пожаловаться, не с кем посоветоваться. К кому ни сунься, скажут: «Дура психованная», – да и выкинут из головы мою печаль. Даже Марина – уж насколько, казалось бы, завзятая чернокнижница, без прикладной эзотерики шага в сторону не сделает, но тут рукой на меня махнула и прогуляться отправила, от душного помещения подальше, чтобы дурь выветрилась. А этот тип вдруг сам угадал. Как, почему, с какой стати угадал – об этом я думать поостерегусь. И без того последняя черепица с крыши осыпается.

Я уж лучше исповедаюсь, пока есть такая возможность.

Рассказываю ему про давешнюю крашеную блондинку с больным зубом, про дядечку с василиском в желудке. В крас-

ках расписываю собственные страдания. Пусть пожалеет, да чаю еще нальет. Меня сколько уж лет никто толком не жалел, а иногда так хочется...

– Во время гадания накатило, значит? Интересный поворот!

Чаю-то подливает, а вот жалеть меня и не думает. Радует-ся, только что руки не потирает. Словно бы я клад нашла и теперь предлагаю взять его в долю, ежели, к примеру, лопату одолжит, или на шухере постоит. И вроде как заранее на все согласен. Улыбается до ушей. Улыбка, надо понимать, предназначается мне. Вся, целиком, сдачи не надо.

– А на меня, – говорит, – поначалу находило, когда я за фотоаппарат брался. Причем не только боль. Чужая жизнь во всей полноте, разом, без остатка на меня обрушивалась. Думал, волшебная вещь... А оказалось, это я сам волшебный, а фотоаппарат – ну да, хороший такой фотоаппарат. Но вполне обычный. Подарок старого друга... Просто каждому из нас нужен какой-то трамплин – для начала. У меня был фотоаппарат, у тебя – карты. Оно и понятно: я полжизни великим фотографом себя мнил, а ты гаданием, как я понимаю, всерьез занимаешься, зарабатываешь даже... Потом уже и без трамплина можно обходиться. Особенно, если знать некоторые приемы. Нехитрая техника, освоить ее проще простого, было бы призвание.

Я даже про печенье забыла. Сижу, слушаю его, ресницами хлопаю. Ничего не понимаю пока. Но – вдруг пойму хоть

что-то? Когда-нибудь. Законспектировать, что ли?..

– Ты спрашивала про Михаэля, – он неожиданно меняет тему разговора. – Так вот, познакомились мы следующим образом. Я сидел в привокзальной кондитерской одного маленького немецкого городка. Пил кофе – помойного, к слову сказать, качества, – жевал черствый крендель, ждал поезд на Мюнхен и очень старался не сойти с ума, по целому ряду причин. Долго рассказывать, да и ни к чему сейчас... И тут подходит ко мне здоровенный белобрысый дядька в твидовом пиджаке, скалится приветливо, спрашивает что-то по-немецки. Объясняю ему, чуть ли не на пальцах, что на языке Штирлица и Гёте могу, в лучшем случае, команду «хэн-дэ хох» уразуметь. Дядька отмахивается: «нет проблем», – и переходит на английский. Первым делом он задал мне тот же вопрос, что и я тебе.

– И ты не послал его подальше?

– Ну, ты же меня пока не послала... И, потом, к тому времени я уже привык к разным... ну, скажем так, странностям. Ничего, кроме странностей со мной, можно сказать, не происходило в ту пору.

– Хорошая, должно быть, жизнь.

– Дело вкуса. Тебе нынешний вечер понравился?

– Даже и не знаю. С одной стороны, у тебя в гостях, пожалуй, интереснее, чем дома сидеть, уткнувшись носом в компьютер. С другой... Жалко кафе. И все остальное жалко. И ночевать теперь где-то надо. То ли квартиру искать, то ли

по друзьям пока помыкаться... Ох, я же Наташке позвонить хотела! Двенадцать уже есть?

– Сейчас будет, – он смотрит на круглый циферблат настенных часов. Судя по исключительному уродству, вещь тоже хозяйская. Очень типичное убранство московских съемных квартир: все, что даже на дачу вывозить противно, можно оставить жильцам. И брать с нас на полтинник больше, за «меблировку».

– Не надо тебе никуда звонить, – будничным тоном говорит счастливый владелец дивного хронометра. – Разговор у нас будет долгий. Небось, тут и заснешь, прямо на этом топчане. В монологе я страшен, кого угодно усыплю.

– Ну да. Ты же Оле Лукойе, – улыбаюсь натянуто. – Тебе так и положено.

Предложение, что и говорить, соблазнительное. Я бы, следует признаться, огорчилась, если бы оно не последовало. Но теперь, когда он сказал вслух то, о чем я все время думала, мне неловко. Не знаю, куда глаза и руки девать.

– Я, – напоминает мой гостеприимный хозяин, – не маньяк. Настолько не маньяк, что самому тошно. Но уж какой есть. Мой примитивный ум не терпит намеков и недомолвок. Когда я говорю: «спать», это и значит: «спать». Никаких дополнительных процедур. Когда я решусь выступить в роли коварного соблазнителя, я тебе честно об этом скажу. Заранее. Договорились?

– Договорились, – киваю.

Ну и как я теперь должна себя вести? Обижаться было бы совсем уж глупо. Напротив, такая откровенность должна бы меня обрадовать. Но ничего похожего на радость я не чувствую. «Не маньяк», видите ли... Что ж, получается, это я у нас маньяк?

По всему выходит, что так. Иначе с чего бы меня то и дело посещали мысли о «дополнительных процедурах»? Эти самые процедуры будоражат мое воображение куда больше, чем обещанный долгий разговор. Хотя, интересно все это, конечно. Кто бы другой рассказывал, слушала бы, рот распахнув.

Ладно. Рот можно оставить закрытым, а слушать все же придется. Программу вечера явно определяю не я. А если станет совсем невмоготу, ка-а-а-ак прыгну!

Такая постановка вопроса мне чрезвычайно нравится. Чувствовать себя охотником, а не добычей – это по мне, да.

– На чем мы остановились? – спрашивает безмятежно моя потенциальная жертва.

– На том, что ты познакомился с Михаэлем, и он спросил про больные зубы. Ну, в смысле не про зубы, а...

– Ага. А я все взвесил, подумал хорошенько – секунды три-четыре – и выложил ему все как на духу. Про фотоаппарат. О том, как оказываюсь в шкуре всякого человека, попавшего в мой видеоискатель. Словарного запаса для такой беседы нам обоим немного не доставало, поэтому разговор получился очень конкретный. Приходилось называть вещи сво-

ими именами, без недомолвок. По-русски я, пожалуй, и не смогу выражаться так точно... Ладно, это как раз неважно. Важно, что мы с Михаэлем договорились. Он здорово удивился. Сказал, у меня интересный случай. Дескать, прежде ему никогда не доводилось встречать *накхов*, которые обнаружили свой дар при помощи фотоаппарата...

– Кого-кого?! – переспрашиваю, услышав незнакомое словечко.

– Не важно, – отмахивается с досадой. – Это я, считай, сдуру брякнул. Потом... Сейчас важно другое. Михаэль объяснил мне, что такой талант грех зарывать в землю. Дескать, его можно и нужно развивать.

– Талант страдать от чужой зубной боли? – уточняю язвительно.

– Забудь ты про эту ерунду, – вздыхает. – Подумаешь, зубная боль, горе великое... Это просто первый симптом. Вернее, не первый, а самый яркий. Потому что когда у тебя внезапно меняется настроение или мысли какие-то дикие в голову лезут, ты вряд ли станешь винить в этом своего ближнего. Тебе в голову не придет, что это *его* настроение, и *его* мысли. Спишешь все на собственную неуравновешенность. А боль – штука вполне очевидная. Рано или поздно непременно обратишь внимание на некоторые совпадения.

– Падения сов, – откликаюсь эхом. Лишь бы что-то сказать.

Но ему мой каламбур, кажется, по душе. Он безмятежно

улыбается и вдруг ласковым, небрежным жестом гладит меня по голове. Вернее, гладит-то он парик: я как напятила его после обеда, для приема клиентов, так и не снимала. Забыла даже о нем. А ведь поначалу казалось, полчаса вытерпеть невозможно. Но вот, привыкла...

Не заметив подвоха, мой прекрасный не-маньяк встает и снова ставит чайник.

– Такой дар дает возможность не просто на миг оказываться в чужой шкуре, но и проживать чужую жизнь, не растрачивая при этом собственную, – говорит он, вскрывая пакет с карликовыми круассанами.

Голос его звучит совершенно обыденно, почти равнодушно. Будь он преподавателем вокала, обнаружившим у случайной знакомой божественное сопрано, энтузиазма и пафоса было бы куда больше, не сомневаюсь. А он разжигает духовку и кидает круассаны на противень.

– Надо бы их в микроволновку, – поясняет. – Но такого добра в этом доме нет. Не беда, и тут разогреются... Ты не понимаешь ничего, да? Из меня плохой объясняльщик.

– А из меня плохая понимальщица, – отвечаю ему в тон. – Два сапога пара... Как это – «проживать чужую жизнь, не растрачивая собственную»? И, собственно, зачем?

– Как – это я тебе покажу, – обещает. – Хоть завтра. На живом каком-нибудь примере. Если захочешь, конечно. А зачем... Хороший вопрос. Мне-то, собственно, с самого начала было очевидно *зачем*, – тут Михаэлю со мной повезло...

Помнишь, о чем мы с тобой болтали в машине, когда приехали? О бесконечности, в которой можно и нужно увязнуть, чтобы не наступил конец сказки? Ну вот, это – один из способов. За сегодняшний день я прожил лет двадцать примерно. И это, мягко говоря, не самый впечатляющий результат. Я все больше делами занимался, хлопотал, по городу мотался. Такой уж день, понедельник... А можно и несколько сотен лет в сутки упихать, было бы желание.

Теперь, кажется, понимаю. Как ни странно. Но обсуждать сей предмет пока не готова. Потом.

– Слушай, – говорю, помолчав, – а ты уверен, что твой Михаэль – и есть писатель Штраух? В книжке, которую я перевожу, ни слова на эту тему... Да и не похоже, чтобы писал человек, который кучу чужих жизней прожил. Он очень хороший, самый любимый автор у меня сейчас, но персонажи у него все же немножко одинаковые. Ну, то есть не одинаковые, а одного типа – так, что ли?.. Словно бы родились при сходном расположении звезд, а потом еще книжки одни и те же читали в юности, хоть и разные выводы из них делали. Это бросается в глаза. А на самом деле так не бывает.

– На самом деле еще и не такое бывает; выяснить бы еще, какое дело следует считать «самым», а какое – нет... А Михаэль – это именно писатель Штраух, да. Можешь не сомневаться. Я у него потом недели три жил и книжки на полках видел. И как он со своим агентом по телефону отношения выяснял, пару раз слышал... Видишь ли, насколько я понял,

он последнюю книгу лет шесть назад закончил. А потом не до того стало.

– Так он не пишет ничего сейчас? – огорчаюсь.

– Ну, – пожимает плечами, – с другой стороны, это и странно было бы: всю жизнь книжки писать. Тем более, когда так все обернулось...

Достаёт из духовки круассаны. Запах горячей выпечки, да ещё и щедро сдобренный ароматом ванили, кого угодно примирит с происходящим. Меня – так уж точно. Не пишет больше Штраух – и фиг с ним. Тем более, может, потом снова запишет. Так часто бывает.

Что же до всего остального... Бред, конечно, но мне он пока, что греха таить, нравится. У меня вдруг, непонятно, с какой стати, обнаружился какой-то загадочный «дар», в связи с чем рыжий незнакомец теперь твердо намерен возиться со мною, уму-разуму учить. Что ж, такая концепция меня устраивает, целиком и полностью. А там видно будет.

Примирившись же с происходящим, я внезапно обнаруживаю, что у меня есть тело. И его нужно как-то привести в порядок, а то испортит мне остаток ночи головной болью или внезапной сонливостью. Оно это умеет.

– Слушай, – говорю, – Максим...

И умолкаю. Как-то по-дурацки звучит это имя в моих устах. Может, оно и настоящее, но называть его по имени мне почему-то трудно и неловко. С чего бы, интересно?..

– Что-то не так? – огорчается.

– Все так. Просто если уж ты грозишь, что нынче ночью мне предстоит заснуть прямо здесь, на этой тахте, хотелось бы заблаговременно принять душ. И не только это...

– Господи, – он хватается за голову. – Я болван. Надо было сразу предложить...

– Не надо, – улыбаюсь. – Сразу – ни в коем случае. Мне бы стало неловко, я бы тут же начала Наталье дозваниваться, на ночлег к ней проситься. А теперь уже как-то не до того. Нужно про чужие судьбы с тобой разговаривать, да печенье твое лопать. Где я еще такое печенье найду?..

Когда полчаса спустя я вышла из ванной, кутаясь в чужой долгополый махровый халат, с одеждой в одной руке и париком в другой, рыжего *искусителя* чуть кондратий не посетил. Я предвидела такой эффект и заранее им наслаждалась. Но действительность превзошла мои ожидания.

Минуты полторы он молчал, разинув рот, потом, наконец, вспомнил всякие разные полезные слова. Ожил.

– Постриг приняла? – спрашивает. – Заблаговременно? Думаешь, поможет? «Да не убоюсь я зла»?..

Язвительность его – дитя растерянности. Грех обижаться.

– Да нет, – говорю, – так и было, с самого начала. Я всегда стриженная. Лысой пришла в этот мир, лысой отсюда уйду. А кудри – это парик. Спецодежда моя. Ведьмам так положено, с кучеряшками... Жаль, накладной нос крючком пока не по карману. Недостижимая мечта.

– Накладной нос?!

Он принимается хохотать. Не смеется, а именно ржет и, кажется, не может остановиться. Стонет, всхлипывает, закрыв лицо руками. Несколько секунд сочувственно наблюдаю это безобразие, потом присоединяюсь. Заразительно смеется, устоять невозможно.

«Устоять невозможно» – это у меня, впрочем, девиз вечера. Или даже целой новой эпохи царствования, как в древнем Китае.

Ну, поглядим.

Стоянка VI

Знак – Близнецы.

Градусы – 4°17' 09" – 17°08' 34"

Названия европейские – Атайя, Алькайя, Альханна, Альшайя, Альхага.

Названия арабские – аль-Хана – «Тавро, Отметина».

Восходящие звезды – гамма и эпсилон Близнецов.

Магические действия – заговоры на победу в войне.

Когда из ванной вышел взъерошенный подросток, этакий мокрый ежик, младший братец Муравьиного Льва⁶, я в одностороннее лишился дара речи и, кажется, всех прочих даров щедрой природы. Что за чудесное превращение?!

А ведь, казалось бы, такие пустяки. Прическа.

Но это я уже потом сообразил, что дело в прическе. А поначалу вообще не понял, кто вышел из моей ванной. Девочка, мальчик? И откуда оно взялось? Из чего образовалось?

Наконец опознал свою гостью. От растерянности брякнул:

– Ты что, постриг приняла заблаговременно? Думаешь, поможет? – кривляюсь. – «Да не убоюсь я зла»?..

– Да нет, – говорит. – Я всегда стриженная.

⁶ В сказке Туве Янсон «Шляпа волшебника» Муравьиный Лев, обладающий репутацией чрезвычайно грозного чудовища, побывав в волшебной шляпе, превращается в печального маленького ежика, а песок, соответственно, в воду. Поэтому ежик получился не только печальный, но и мокрый.

Всегда, значит. А кудри цыганские? Или это шапка-ушанка такая была?

Оказалось, не ушанка. Просто парик.

– Спецодежда моя, – хихикает Варя, потрясая шедевром престижиджитаторского искусства. – Профессиональным ведьмам, видишь ли, положено, с кучеряшками бегать... Жаль, накладной нос крючком мне пока не по карману. Недостижимая мечта.

Этот «накладной нос» меня доконал. Я закрыл лицо руками и принялся ржать. Процесс сей куда больше походил на извержение вулкана, чем на обычное человеческое веселье. Хохот овладел моим телом, и я ничего не мог с этим поделать. Только переждать, перетерпеть, выстоять, не покрыться трещинами, не рассыпаться на кусочки от столь мощного сотрясения.

Безумие мое оказалось заразительным: Варя тоже принялась смеяться. Я уж было почувствовал, что вполне могу остановиться, но поглядел на нее и заржал с новыми силами.

Едва успокоились. Мне, впрочем, для закрепления успеха пришлось добраться до умывальника и остудить голову огненными и ледяными струями, поочередно. Так что в финале на моей кухне образовалось настоящее братство мокрых ежей. Маленькое, но сплоченное.

– Давно так не смеялся, – говорю, прижимая к сердцу пачку с сигаретами. Кое-как извлекаю одну, закуриваю. – Пару лет, точно. А может, и больше.

– Напрасно. Такой талант грех в землю зарывать.

– Да уж, таланты в землю зарывать не годится. Особенно наши с тобой таланты.

Смотрю на нее выразительно. Самое время сменить тон, вернуться к делу. Если, конечно, центральную тему нашей беседы можно назвать «делом». Слово-то какое... неуместное.

– Да-да, – оживляется Варенька. – Талант к чужой зубной боли, конечно. Дивный дар.

Опять двадцать пять. Крепко ей, видно, сегодня досталось.

– Слушай, – говорит она, помолчав, – ты все это всерьез, да? Совсем-совсем всерьез? Потому что если это просто тема для разговора, такой оригинальный повод завязать знакомство, то уже и не нужно ничего выдумывать. Уже словно бы лет десять знакомы. Или больше.

– Повод завязать знакомство я бы другой нашел. Да и зачем искать? Вот, к примеру, от кафе твоей подружки камня на камне не осталось, а мы живы-здоровы. Чем не повод?

– Да уж, повод, – вздыхает. – Жалко Маринку, и кафе жалко... Но камень на камне, надеюсь, все же остался. Как минимум один камень на другом таком же. И страховка у нее вроде есть. И, самое главное, Леша, который, если будет надо, десяток таких кафе для мамы откроет. Ничего, все утрясется как-нибудь... Может, и куртка моя уцелела? Тогда вообще счастье.

– Теперь, – решаю, – самое время сварить кофе. Себе сварю, по крайней мере. После полуночи он на меня действует как валерьянка. Успокаивает. А тебя?

– Понятия не имею. Но можно проверить.

Ставлю на огонь джезву, колдую помаленьку. Варя с интересом за мной наблюдает.

– Как это происходит? – спрашивает вдруг. – Как кино смотришь? Или сам участвуешь?..

Я не сразу понял, о чем она спрашивает. Решил, про кофе; удивился даже столь неуместному глубокомыслию. Участвую ли я в процессе приготовления кофе, который варю? А как там у нас насчет дао, выраженного словами и непристойными жестами?..

Потом только дошло.

– Никакого кино, – говорю. – Настоящая человеческая жизнь, во всей полноте. Только ярче и интенсивней. И при этом остается небольшой участок сознания, свободный от участия в игре. Что-то вроде командного пункта, где всегда сидит некий таинственный «дежурный офицер», готовый в любую минуту напомнить, что это – чужая шкура. Не дает заиграться, уйти на дно и навеки упокоиться под развалинами чужой судьбы.

– Немного похоже на то, как описывают контролируемые сновидения, – вздыхает Варя. – Я-то не знаю, как это бывает, только в книжках читала...

– Да нет, ни на что не похоже. Такие вещи не объяснять на-

до, а просто попробовать. Словами тут мало что скажешь...

– Ясно. Ну, значит, надо попробовать. Ты ведь можешь устроить так, чтобы я попробовала? Только не боль чужую почувствовать – хватит уж! – а прожить настоящий кусок чужой жизни. Это можно?

Вот так просто. Я-то думал, ее долго уговаривать придется. Страшно ведь, теоретически говоря. А ежели не теоретически, то и вовсе ужас.

Какая, однако, храбрая.

– Можно, – отвечаю, разливая кофе по чашкам. – И нужно. Собственно, ради этого разговоры и разговариваются.

– А можно прямо сейчас?

Глаза ее горят, как у пумы, сбежавшей из зоопарка. Ну, дела...

– Теоретически говоря – почему нет? Одно плохо: человек нам с тобой для этого нужен. Посторонний человек.

Варя хмурится, смотрит на меня вопросительно. Дескать, какой такой «посторонний человек»? Зачем он нам?

Объясняю:

– Жертва. Добыча. Охотничий трофей. А на такую роль не всякий годится. Если ты думаешь, что можно выйти на улицу и силой отобрать судьбу у первого встречного, вынужден тебя разочаровать. Это не так. Есть ряд правил, на которые можно было бы забить, если бы не одно «но»: они работают, вне зависимости от нашего к ним отношения.

– Рассказывай свои правила, – вздыхает. И в сердцах до-

бавляет: – Ну почему всегда выясняется, что есть какие-то «правила»? Почему все должно быть сложно? Почему нельзя просто?!

– Вопрос к автору проекта «Жизнь Человечья», – смеюсь. – Я всего лишь скромная лабораторная мышь. Сажу в стеклянной колбе, весь в датчиках, экспериментальное сало лопаю. Взорвусь, не взорвусь, – время покажет.

– Не знаю, как сало, а кофе у тебя обалденный, – говорит присмирившая Варя. – Фантастика просто... Так что за правила-то? Я сейчас настолько ничего не понимаю, что даже правила твои выслушаю, слова поперек не скажу.

– Первое правило такое. Судьбу можно позаимствовать лишь у того, кто на нее активно сетует. Это, честно говоря, не только техническая проблема. Этическая, как ни странно, тоже. Нарушить это правило, говорят, чрезвычайно трудно, но возможно. Впрочем, считается, что лучше не пробовать. Меня тысячу раз строго предупреждали: ни в коем случае. Все же не конфету у сироты отбираешь, а жизнь человеческую.

– Это как? То есть всякий, в чью шкуру ты забираешься, умирает? Ничего себе!

Не похоже, кстати, что ее такая идея пугает. Немного смущает, не более того. Ну, или я совсем уж не разбираюсь в людях, что, с учетом моего опыта, маловероятно.

– Тихо, ша! Уже никто никуда не умирает! – поднимаю руки, словно бы сдаться в плен собрался. Потом объясняю: –

Все остаются живы и здоровы. Никто ничего не замечает, никогда. Даже удивительно... Строго говоря, они ничего не теряют, кроме, разве, интенсивности переживаний. Сомнительное сокровище; мало кто способен оценить его по достоинству.

— Этого я тоже не понимаю, — вздыхает. — Это ты мне потом еще раз пять объяснишь, хорошо?.. Я пока уяснила только одно: человек, чью жизнь ты собираешься прожить, должен жаловаться на судьбу. Это что, по лицу видно? Или как?

— По лицу тоже, если глаз наметанный. Но есть и другие приемы, куда более предпочтительные, поскольку исключают возможность ошибки. Тут, опять же, не рассказывать надо, а показывать. Если я говорить начну, только запутаешься. А показать — проще простого. Завтра же...

— А сегодня можно?

— Почему бы и нет? Просто думал, ты устала. Решил, хватит с тебя на сегодня...

— В общем, правильно думал, — Варя задумчиво чешет нос, хмурится. — Устала, да... Но если сегодня не случится ничего, кроме разговоров, завтра мне будет очень трудно. Ночь — это ночь, ночью в любую ерунду можно уверовать, был бы проповедник хороший. А утром все не так. Вот проснусь завтра в незнакомом месте, вздрогну, вспомню, как здесь оказалась, может, пореву немного из-за кафе, потом осознаю, что ты полночи донимал меня какими-то дикими разговорами — непонятно зачем, но явно не с благой целью.

Буду грызть себя за то, что не поехала к Наталье, осталась ночевать у чужого, незнакомого и вряд ли вменяемого человека. Смущаться буду, кукситься и скукоживаться. Злиться – в основном на себя, но и на тебя тоже. Уж я-то себя, любимую, знаю... А тебе, соответственно, придется начинать все сначала. Только я еще и слушать ничего не стану, представляешь? Буду молчать, кивать, отворачиваться и искать глазами свои ботинки. Сама не хочу, чтобы так было, но поделаться ничего не могу. Будет.

Правильно излагает. Утро вечеру не друг, а могильщик, известное дело.

– Надо так, – заключает Варя. – Чтобы прямо сейчас, сегодня, до того, как я лягу спать, случилось что-то из ряда вон выходящее. Не разговор, событие. Чтобы не отвертеться при всем желании. Даже с утра.

– Ужас, – говорю. – Ты такая умная. Сама все понимаешь. Причем куда лучше, чем я.

– Я не умная. Я опытная. Я болтовней про всякие разные чудеса на жизнь зарабатываю. Знаю, как дорого стоят такие слова вечером, и как дешевы они с утра. Вот и все.

– Ладно, – я убираю пустые чашки в мойку. – Убедила. У тебя волосы высохли?

– Более или менее...

– Тогда одевайся. Поехали.

– Куда? – спрашивает.

А сама уже схватила одежду в охапку, на пороге стоит.

Оглядывается, прикидывает, где бы переодеться. В комнате куда как удобнее, зато ванная запирается на щеколду. Понимаю, дилемма.

— Куда-нибудь. Мало ли в Москве ночных заведений? И в каждом полно печальных людей, проклинающих судьбу, и вообще все на свете. Для них, собственно, и придумали ночную жизнь... Только парик свой не надевай, ладно? Стрижка лучше.

— Правда, что ли?

— А какой смысл врать? Я же тебя сопровождать буду. Твоя прическа — мое достояние, по крайней мере, этой ночью.

Варя расплывается в улыбке и скрывается в ванной. Все же там щеколда и — об этом я сразу не подумал — зеркало.

А я падаю на тахту, закуриваю и внезапно понимаю, что больше всего на свете сейчас хочу спать. Или хотя бы просто лежать на спине, лицом кверху. Уж, по крайней мере, не по ночным клубам колесить. Встал-то в восемь утра из-за всех этих дурацких хлопот, а лег перед этим хорошо если в четыре... И ведь ничего не попишешь, придется сейчас ехать куда-нибудь в центр, искать симпатичное заведение — остались ли они, симпатичные-то? — высматривать в полутемном зале достойную добычу, чья грядущая бурная жизнь сможет должным образом впечатлить Варю. Лучше бы мужчину, для остроты переживаний. Первый опыт — это в любом деле очень важно.

Михаэль, помню, такую барышню мне подобрал – закачаешься. Влюбчивую и страстную, любительницу танцев, подводного плавания и азартных игр; при всем при том – отравительницу, ловкую, умную, хладнокровную охотницу за наслідствами. Ее не только не поймали за руку, даже не заподозрили ни разу. После пятидесяти она решила, что заработала достаточно, поставила крест на своем тайном увлечении ядами, занялась хатха-йогой и юными школьниками. Еще позже пристрастилась к нелегальным полетам в антигравитационном жилете и (в особенности) к безбашенным мальчикам-инструкторам. Умерло это прекрасное чудовище в восемьдесят с лишним лет от избыточной дозы каких-то новомодных стимуляторов. Ничего удивительного: в свой девятнадцатый день рождения она пообещала себе, что непременно станет наркоманкой в глубокой старости, когда уж совсем нечего будет терять, и честно сдержала слово.

Впрочем, это только для меня все события ее жизни – прошедшее время; сама-то героиня моего первого романа пока танцует, ныряет, трахается четырежды в день и планирует первое из доброй дюжины хитроумных убийств. Или даже не планирует еще: всего-то чуть больше года прошло с того дня, когда Михаэль пихнул меня локтем и возбужденно прошептал: «Начнем вот с этой красотки!»

Все у нее еще впереди, несмотря на то, что есть на земле человек, бережно хранящий воспоминания о ее будущем. Изумительные, надо сказать, воспоминания. Так слад-

ко, страшно и стыдно, как в ее шкуре, мне, пожалуй, больше никогда не было – и вряд ли снова будет. А ведь с виду – девочка и девочка, обычная скучающая студентка, вынужденная проводить лето, подрабатывая в курортном захолустье. Мастерски Михаэль ее вычислил, ничего не скажешь!

Ясное дело, после такой охоты все пошло как по маслу, никаких дополнительных уговоров не потребовалось. Вот и мне сейчас придется как следует постараться – не для себя, для Вареньки. Чтобы сразу поняла, почем фунт лиха, изюма и прованского масла заодно.

Обдумав это, я яростно, с хрустом зевнул. Мысли о предстоящей ловле человеков не возбуждали меня совершенно. Вот если бы напороться на потенциального Спящего, примерно за четверть часа до начала летаргического оцепенения... И какой, спрашивается, смысл во всей этой нашей хитроумной магии, если никак невозможно человеку обрести при жизни могущество, позволяющее спать столько, сколько требуется, причем каждый день, а не от случая к случаю?..

Ох.

Надо бы все же как-то взбодриться, что ли.

Недолго думая, открываю кран – тот, что с синей нашлапкой. Снимаю носки, поочередно задираю ноги, подставляю ступни под ледяную струю. Неприятно, что и говорить. Зато эффективно. Не то что этот ваш хваленый кофе – напиток, бесспорно, вкусный, но для длительных бдений почти бес-

полезный.

К тому моменту, как Варя, при полном параде, покинула ванную, я уже был в порядке. И проснулся, и глаза обратно в орбиты вернул, даже носки успел надеть. И ботинки. Чего тянуть, действительно?

– Готова? – спрашиваю. – Поехали. Карты только с собой возьми.

– Зачем?

– Пригодятся, – обещаю.

– Лишь бы без взрыва обошлось, – вздыхает Варя, роясь в сумке.

– Только, – говорит она в машине, – ты учти, я все же не совсем палестинский беженец. Не нужно там, куда мы приедем, за меня платить. Деньги у меня какие-то есть пока, а в понедельник, по моим расчетам, еще приплывут. А если ты меня и сейчас будешь за свой счет выгуливать, я застесняюсь, и на все стану говорить: «Не хочу», – даже если захочу. Тем более что ужин я, по правде говоря, так и не отработала. И вряд ли в ближайшее время решусь: а ну как снова что-нибудь взорвется? Но теперь меня мучает совесть.

– Дело хозяйское, – соглашаюсь. – А чтобы совесть не мучила, можешь нынче ночью взять меня на содержание. Угостишь каким-нибудь молочным коктейлем – больше мне все равно ничего нельзя за рулем-то... Тебе, впрочем, тоже не до того будет, имей в виду. Разве только потом, на закуску.

– Договорились, – радуется Варя. – А вот знаешь что?

Скажи-ка мне дату своего рождения, если это не очень страшная тайна. Хоть Аркан твоей судьбы вычислю, что ли. Интересно. Да и полезно бывает такое знать...

Да уж, пожалуй. Сказать ей, что ли правду? А почему, собственно, нет?

– Двадцать второе февраля.

– А год?

– Шестьдесят пятый.

– Правда, что ли? – изумляется. – Думала, ты младше.

– Образ жизни такой, – ухмыляюсь. – Вечная молодость и что там еще нашему брату Фаусту полагается... Ну и что там у меня за Аркан судьбы?

– Погоди, мне же посчитать нужно. Двадцать семь, минус... Ага. И еще, на всякий случай, два плюс семь. То что доктор прописал!.. Смотри, как интересно все получается. Согласно одной традиции, Пятый Аркан. «Иерофант». Согласно другой – Девятый. «Отшельник».

– Ясно. И какая традиция правильная?

– Обе правильные. По крайней мере, обе следует принимать в расчет.

– И что же мне светит? – интересуюсь.

– Тебе-то как раз ничего особенного. Светит – тем, кто рядом с тобой окажется. Ты, собственно, и светишь... Иерофант, теоретически говоря, идеальный проводник тайных знаний. Выходит, если уж учиться всяким потусторонним глупостям, то лучше – у тебя.

– Очень хорошо, – ухмыляюсь. – Именно то, что нам с тобой сейчас нужно... А Отшельник – это к чему? Напомни. «Псих-одиночка», как в детстве говорили?

– И это тоже. Но не только. Там, на картинке, если помнишь, дедушка не с пустыми руками, а со светильником бродит. *«Свет твой так ярок, что никто не увидит тебя»*. Вот что сказано про Аркан «Отшельник». Впечатляет?

– Вполне. Отлично сказано. Хорошо бы, если действительно про меня.

– А есть сомнения?

– Сомнения, – говорю, – всегда есть. Живучие твари... Что ж, во всяком случае, проверим, какой из меня «Иерофант». А «Отшельника» просто примем на веру – уж больно приятно.

В «Китайском летчике» Варя никогда прежде не была. Она, впрочем, как я понял, и сама та еще отшельница. Да и странная эта идея: ходить по клубам, когда работаешь и даже живешь в кафе.

Она, как я заметил, была приятно удивлена. Ожидала, небось, что мы сейчас в казино какое-нибудь пафосное потащимся, а в «Летчике» обстановка мало чем отличается от моей кухни. Разве что гораздо просторнее; ну и народу чуть побольше. Но нам, собственно, этого и надо: чтобы люди живые вокруг сновали. Ради них и приехали.

Заказываю жасминовый чай, моя спутница требует джин-тоник. Когда миловидная девушка с раскосыми, хоть и не

вполне китайскими глазами уходит, Варя толкает меня локтем в бок и возбужденно шепчет:

– Ну и кто нам тут подходит? Или никто? Или ты еще не понял? А как ты их отличаешь?..

– Не хипеши, – прошу. – Такие дела с наскака не делают. И, потом, я хочу, чтобы ты сама попробовала. Интересно ведь... Тебе-то интересно?

– Н-н-ну, н-н-н-наверное, – запинаясь. – А как?

– Выбирай любого, кто понравится. Можешь приглядеться, вычислить, у кого морда самая печальная, или просто на чутье положишься, как хочешь. Потом сосредоточь на этом человеке свое внимание – так, словно ты ему гадать собираешься. Если трудно, можешь колоду свою взять, карту вытянуть, чтобы все по-настоящему было. Как тебе удобнее. А когда сосредоточишься, попробуй проанализировать собственные ощущения. Если в какой-то момент почувствуешь, что тебя грусть-тоска одолела или просто жалко себя стало до слез, или еще какая-то дрянь, покажешь мне свою находку. Я проверю.

Умолкаю. Перевожу дух. Закуриваю.

– А потом? – взволнованно спрашивает Варя.

– Суп с котом, – огрызаюсь. – Давай, давай, не тяни резину. А то они сейчас по домам разбежаться начнут. Концерт-то уже закончился...

– Суп с котом, – она улыбается до ушей. – Надо же! Когда я была совсем маленькая, папа так часто говорил. А я ревела

в три ручья. Кота было жалко.

– Не отвлекайся, – прошу. – Пожалуйста. Про папу, кота и суп поговорим потом, по дороге, ладно? А сейчас давай другими делами займемся. А то местные чудеса обидятся на невнимание и разбегутся по углам. Лови их потом...

Кивнула, насупилась, принялась сосредоточенно изучать публику. Я-то уже наметил для нее один чрезвычайно любопытный экземпляр и еще парочку, про запас, если этот вдруг засобирается домой. Но было бы здорово, если бы она сама справилась. Это не обязательно, но так лучше.

Я точно знаю.

Минут через десять Варя снова принялась пихать меня локтем.

– Как тебе нравится дядя у входа, в коричневом свитере? – шепчет. – Со мной какой-то ужас творится, когда я на него смотрю. Изжога и тоска. Зверская изжога, а уж тоска вообще нечеловеческая. И карта вытащилась – Девятка Мечей. Соответствует.⁷

Что ж, очень неплохо.

– Один из трех, – говорю. – Браво. Остановишься на нем или продолжишь? Или ты уже всех обследовала?

– Какое там! Двоих всего. Сначала вон ту девочку в зеленой кофточке, видишь? Приятная такая девочка оказалась...

– Как я понимаю, у нее здоровые зубы? – ухмыляюсь,

⁷ Буквальное значение Младшего Аркана «Девять Мечей» при гадании: «Страдание, у которого есть причины».

разглядывая очаровательную пьяненькую барышню с хитрющим от природы лисьим личиком.

– Правильно понимаешь. И не только зубы. Все у нее очень хорошо, по-моему... А вторым был этот дяденька. И я сразу решила тебя спросить: угадала ли?

– Как видишь. Только ты не «угадала», а окунулась на миг в его настроение. Нырнула, попробовала на вкус и выплюнула, ибо гадость редкостная... Видишь, я же говорил: это очень просто.

– А... все остальное тоже так просто? – спрашивает настороженно.

– Еще проще, особенно пока я рядом. Сама увидишь. Ну как, будешь других искать?

– Я бы искала, если не нужно торопиться. Ты был прав, ужасно интересно. И удивительно, что у меня получается! Я как-то иначе себе все это представляла. А тут – обычная концентрация внимания, и человек как на ладони. Странно.

– Поищи, – соглашаюсь. – Маленькая подсказка: не трать время на девушек. Сегодня в этом зале нет ни одной скорбящей девицы. И это хорошо.

– Почему?

– Ну, как – почему? – улыбаюсь. – Хорошо ведь, когда все девушки вокруг довольны жизнью. Редко так бывает.

Еще четверть часа я провожу в обществе остывающего жасминового чая. Варю не до меня. Вошла во вкус. Вот и славно.

– Дядечка вон в том углу. Лысый, в очках, – наконец говорит она. – Очень несчастный и злой на весь мир. Я даже карту тянуть не стала. И так проняло. Ведь правильно?

Еще бы не правильно. Можно поздравить нас обоих с полной и сокрушительной победой. Лысый «дядечка» и есть мой главный кандидат. Уникальный экземпляр. Не могу сказать, что иметь с ним дело – сплошное удовольствие, но впечатление ей предстоит получить мощное. От такого утренний приступ скептицизма не спасет, пожалуй. А нам того и надо.

– Очень хорошо, – улыбаюсь. – На этом поиски можно завершить. Приступим к делу.

– Ой, – тихонько вздыхает Варя. – Мамочки!

Впрочем, мордашка у нее при этом не столько испуганная, сколько довольная. Словно я ее ночью на чердак затащил и страшные сказки рассказывать собираюсь, пока не заорет в голос. А ей того и надо.

Стоянка VII

Знак – Близнецы.

Градусы – 17°08' 35" Близнецов – 0° Рака.

Названия европейские – Аддиват, Альдиарас, Альдиараче, Альдимиах, Аларзан.

Названия арабские – аз-Зираайнн – «Два Локтя».

Восходящие звезды – альфа и бета Близнецов, альфа и бета Пса Малого.

Магические действия – заговоры на вражду.

А я пропадаю. Совсем, можно сказать, пропала. Пропадом. Зато – с музыкой.

Музыка негромкая, невнятно-этническая. Живой концерт закончился еще до нашего прихода, а теперь тут крутят пластинки. Оно и хорошо: со сцены громко орал бы, небось. Со сцены всегда громко орут. Вон какие мощные тут усилители, не удержишь рядом, пожалуй. И поодаль тоже не особо удержишь, пока концерт...

А нам надо бы усидеть. У нас, потому что, выездная сессия школы чародейства и волшебства. Убиться веником.

Но мне не до смеха.

– Сосредоточь на человеке свое внимание, – говорит мой «классный руководитель». – Так, словно гадать собираешься. Можешь даже карту из колоды вытянуть, чтобы все по-настоящему было. Как тебе удобнее. Если почувствуешь, что

тебя тоска одолела или еще какая-то дрянь, скажешь мне.

Бла-бла-бла и прочие ценные указания. Торопит меня. «Давай-давай», – говорит. Хорошо хоть не скандирует «Arbeiten macht frei». С него бы случилось, пожалуй.

Он что, не понимает? Мне же страшно. И пугает меня, как мы, взрослые люди, понимаем, вовсе не грядущий «мистический опыт», не чужая грусть-тоска.

Больше всего на свете я боюсь, что ни фига у меня не получится. Не почувствую ничего, не угадаю, не сдам экзамен. И выяснится, что мой премудрый наставник все же ошибся. С кем не бывает? Пригрел на груди бездарь, без особых чернокнижных талантов.

И что он со мною станет делать?

Ясно что. Скажет: «Не беда», – доставит в Бабушкино, устроит на ночлег на кухонной тахте. А поутру усадит в автомобиль, отвезет к Наталье. Причем по моей просьбе, не по собственной инициативе. Просто сделает вид, будто не заметил, с какой неохотой я ей звоню. Высадит меня на улице, напротив дома, не станет заезжать во двор – зачем признавать адрес, который никогда не понадобится? Но из вежливости спросит и даже запишет на какой-нибудь бумажке номер телефона, продиктует свой, попросит держать его в курсе, рассказывать, как дела с Маринкиным кафе. Лучезарно улыбнется, чмокнет меня в щеку и исчезнет навсегда.

А я так не хочу.

Влипла я с ним, это понятно. И исправить, кажется, уже

ничего нельзя.

Ладно.

Силюсь выгнать из головы все эти дурацкие «Воронежские страдания» под внутреннюю гармонику, сосредоточиться, согласно инструкции, на ком-то другом. На любом постороннем человеке. Ясно, что ничего не получится, но надо постараться. Мало ли, действительно... А вдруг?

Для начала выбираю очаровательную барышню с лисьим личиком. Разглядываю ее исподтишка, люблюсь. Хорошенькая, беззаботная. Зеленая кофточка ей к лицу. Но мне от этого – решительно никакой мистической корысти.

Ладно, попробуем иначе. Представим, что лисичка попросила меня погадать. Вот прямо сейчас и попросила. Загадала желание и просит вытянуть для нее одну-единственную карту. Сбудется – не сбудется? Самый простой способ гадания, проще не бывает.

А вот мы сейчас поглядим...

Нашариваю в сумке колоду, тасую ее тихонько, под столом. Смотрю на барышню и диву даюсь: кажется, я моментально опьянела. То есть не я, а она. Но я это вполне явственно ощущаю. Мне, как и ей, вдруг стало весело. И, самое главное, все по фигу. Ну вот абсолютно все! Море по колено – ей, а не мне, но и мне тоже. За компанию.

Товарищ Максим дело говорил: карты действительно помогают мне сосредоточиться: привычка. А сосредоточившись, я *пробую на вкус* чужое настроение. И ведь всегда так

было, просто не столь ярко... Или дело в том, что я не обращала внимания на собственные ощущения? Не знала что это *важно*, а потому и в голову не брала.

Похоже на то.

Порадовавшись за пьяненькую барышню-лисичку и искренне пожелав ей удачи, переключаясь на следующий объект. На сей раз поступила разумно: выбрала самого хмурого человека в зале, в расчете на то, что его настроение вполне соответствует выражению лица. Очень уж хотелось поскорее получить результат и пройти аттестацию. Пока рыжий Иерофант не нарисует «пятерку» в моем дневнике, не будет мне покоя. И полноценного удовольствия от упражнений, соответственно, тоже не будет. А ведь увлекательнейшее занятие оказалось – теоретически говоря.

Хмурый субъект не подвел. Приступ *его* изжоги одолел меня прежде, чем я взялась за карты. А когда все же взялась, изжога показалась мне почти приятным недоразумением. Такая лютая тоска грызла внутренности этого симпатичного, в сущности, дядечки, хоть заживо в землю его закапывай – хуже уж не будет.

Причины этой тоски остались для меня загадкой. В сущности, никакой информации, кроме сиюминутного состояния души и тела, я не получила. Поэтому полезла таки в карты. Вытащила Девятку Мечей. Ну да, пожалуй, все с ним ясно.

Бедняга.

Толкая своего наставника локтем в бок. Этот жест доставляет мне неизъяснимое удовольствие. Во-первых, фальсификация близости. Веду себя так, словно бы мы вечность знакомы, будто еще дошкольниками вместе по чердакам лазали. А, во-вторых, что греха таить, мне просто нравится к нему прикасаться. У меня от этих, якобы случайных, прикосновений искры из глаз, помрачение рассудка и сладкая тяжесть в чреве. Кто бы сказал, что такое бывает – не поверила бы.

Однако – вот.

Но виду я, конечно, не подаю. Хотя, теоретически говоря, он такие вещи должен видеть как на ладони. Если уж все остальное подмечает...

Ох, нет. Не буду об этом думать.

– Как тебе нравится дядя у входа, в коричневом свитере? – спрашиваю.

Дядя ему, оказывается, очень даже нравится.

– Один из трех, – говорит. – Браво.

Один из трех. Значит, в этом зале есть еще два несчастных человеческих существа?.. Впрочем, это, как раз, не очень важно. Важно, что одного из троих страдальцев я таки вычислила.

Мамочки. Кажется, я все-таки сдала этот чертов экзамен.

Сдала?

Ну да.

– Остановишься на нем или продолжишь?

И он еще спрашивает. Конечно, продолжу. Уж теперь-то, когда я не боюсь... хорошо, скажем так: *почти не боюсь* провала, самое время разобраться, что, собственно, происходит. И как мне это удастся. И еще великое множество вещей надо бы выяснить, пока я еще способна соображать, хоть чуть-чуть, краешком спинного мозга.

– Я бы еще поискала, – говорю. – Если нам не нужно торопиться.

Торопиться нам, как и следовало ожидать, некуда. Рыжий, кажется, рад, что я хочу еще попробовать. Да нет, какое там «кажется»? Сияет ведь человек.

– Маленькая подсказка, – шепчет доверительно. – Сегодня в этом зале нет ни одной скорбящей девицы.

Ладненько, учту.

Начинаю планомерный осмотр мальчиков и мужей. Благо их не слишком много. Зал полупустой. Все же глубокая ночь, да еще и с понедельника на вторник. Удивительно, что вообще кто-то, кроме нас тут сидит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.